А. П. Даниловский

„ОТВАЖНЫЙ-1" УХОДИТ В МОРЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге бывшего секретаря Неклиновского райкома партии Ростовской области, а затем комиссара партизанского отряда «Отважный-1», действовавшего в приазовских плавнях в годы Великой Отечественной войны, рассказывается о совместных боевых действиях партизан и батальона морской пехоты, которым командовал Ц. Л. Куников против немецко-фашистских захватчиков.

- А. П. Даниловский
  -
  - В дни нашествия
  - В кругу семьи
  - У секретарей обкома партии
  - Боевое крещение
  - Не щадя самой жизни
  - Разведчики
  - Ростовская операция
  - Рядом с фронтом
  - Ледовые походы
  - С наступлением весны
  - На Тамани
  - У стен Новороссийска
  - Десант на Мысхако

А. П. Даниловский
«Отважный-1» уходит в море

Светлой памяти Героя Советского Союза
Цезаря Куникова посвящаю.

Автор

В дни нашествия

В сентябре 1941 года грозное дыхание войны достигло западной границы Ростовской области. Днем и ночью по степным просторам нашего Неклинонского района двигались обозы из соседней Украины. На повозках сидели изнуренные тревожной дорогой дети, погромыхивал наскоро собранный скарб. За подводами плелись старики и женщины, серые от дорожной пыли, молчаливые и усталые. Случалось, шли раненые красноармейцы-одиночки. Они добирались до ближайшего госпиталя.

Неклиновцы в ту пору убирали перестоявшуюся пшеницу. Косили вручную, по старинке, каждая капля горючего стала драгоценностью. С раннего утра сверкали косы в руках престарелых хлеборобов, вслед за ними женщины вязали снопы. У молотилок хлопотали подростки. Автомобильного транспорта не было, грузовики обслуживали нужды фронта.

Однажды мимо косцов по дороге из Ростова проехал новенький военный автомобиль. В селе Самбек он остановился. Шофер в матросской бескозырке, помахивая пустой флягой, направился к ближайшему домику с камышовой крышей, не тронутому вражеской бомбежкой. Увидев в огороде хозяйку, он поздоровался и кивнул головой на колодец:

— Мамаша, водицы дозвольте набрать?

Старушка распрямила спину, с любопытством посмотрела на стройного военного в щеголеватом бушлате. (Краснофлотцы здесь были в диковинку).

— Видать, на передовые позиции спешите? — спросила она в свою очередь и перевела взгляд на широкоплечих, чисто

выбритых военных моряков, сидевших в машине.

— Сами еще не знаем, куда нас везут.

Старушка вздохнула, покачала головой:

— Из баклажки всех не напоишь. А вода у нас дюже приятная.

Шофер помахал рукой. Моряки сошли с машины и подбежали к колодцу. Подошли соседи, завязалась беседа.

Хозяйка, всматриваясь в лицо молоденького шофера, певуче говорила:

— Похож ты на внука моего, Ваню. На заводе он работал. Во-о-н на том, металлургическом. — Она показала в сторону Таганрога, — Видать, проклятая вражина разбомбила завод. Который день не дымят трубы… И от Ванюши весточки нету. Комсомолец он, добровольцем на фронт ушел.

— Нет того дня, чтоб фашисты не бомбили село, — вступил в разговор седой старик. — А в степи сколько хлебов неубранных. Пожгет немец. — Он повернулся к коренастому невысокому командиру с быстрым взглядом внимательных глаз, степенно пояснил: — Бригадир я садоводческой бригады в колхозе. — Старик протянул вперед широкие ладони. — Этими руками, считай, полсада высажено. А теперь, поглядите, здесь окопы роют. Может, без надобности?

— Окопы, отец, роют на самой выгодной позиции, — ответил моряк и громко, словно выступая на митинге, добавил: — Надо будет, пол-России перероем, а фашистов победим!

Суровое лицо командира осветила улыбка — он увидел детей. Чумазые, измученные долгой дорогой, ребятишки беженцев остановились поодаль и разглядывали военных. Моряк подошел к ним, подхватил на руки самого маленького мальчугана. Потом вынул из кармана пакет с печеньем и, рассыпая прибаутки, стал одаривать детвору.

Не думали в те минуты самбековцы, что приехавшие к ним военные моряки вскоре станут их боевыми друзьями, побратимами на жизнь и на смерть, а командир Цезарь Куников прославится на всю страну…

Машина с моряками покатила дальше. На возвышенности шофер притормозил. Отсюда открывался глазу широкий простор Азовского моря. В лучах заходящего солнца четко выделялись на небе трубы таганрогских заводов.

На западе слышалась приглушенная расстоянием канонада. Куников раскрыл планшет с картой и, обращаясь к своему адъютанту Леониду Хоботову, сказал:

— Продолжаем знакомство с местностью. Недалеко и до передовой. Видимо, вскоре нашему отряду предстоит встретиться с врагом…

* * *

В это суровое время мы, работники Неклиновского райкома хартии, и получили указание из Ростова: создать партизанский отряд и восемь подпольно-диверсионных групп. Отряду предстояло укрываться в плавнях, и надо было заранее обеспечить его всем необходимым. Были заготовлены запасы сухарей, табака, муки. Подготовлены катера, баркасы, оборудование для партизанских баз.

Райком партии вместе с командиром отряда подбирали людей. К нам в райком приходили коммунисты, комсомольцы, беспартийные, пожилые, видавшие виды люди и горячая, неопытная молодежь.

Пришел на беседу и Леня Сидоренко, парнишка лет шестнадцати. Он сидел передо мной — мускулистый, широкий в кости, с загорелым, обветренным лицом. Синяя телогрейка распахнута на груди, теплые ватные штаны заправлены в высокие забродские сапоги. Говорю ему:

— Подумай, Леонид. Одно дело рядом с товарищами-рыбаками бороться со штормом в море, совсем другое — воевать в партизанском отряде. Там придется и в одиночку, с глазу на глаз, встречаться со смертью. Выдержишь?.. Устоишь?..

Леонид укоризненно смотрел на меня ясными голубыми глазами, в голосе обида:

— Что вы, Александр Пахомович, вроде бы отговариваете? Или не доверяете? Если не запишете в отряд, все равно сам в плавни уйду. Ерики и протоки знаю не хуже вас.

Я с тайной гордостью смотрел на взволнованное лицо паренька и думал: «Так вот он какой, этот Ленька-рыбак!»

Ушел Сидоренко, постучалась в дверь моего секретарского кабинета Тося Аникеева. Тосю я знал давно: добрая душа, хорошая комсомолка.

Тося попросила:

— Александр Пахомыч, можно я буду разведчицей?..

И так, день за днем, шли и шли люди, готовые на смерть, на муки, даже не думая о том, что это и есть геройство.

Однажды, в полуночный час, в райком партии явился морской офицер. На вид ему было лет тридцать пять. Крепко сбитый, загорелый. На груди висел бинокль, на широком ремне — компас, справа, в потертой кобуре, — пистолет, слева — кортик. Вид у офицера был властный и вместе с тем привлекательный.

Ц. Л. Куников

Он подал письмо. Обком партии предписывал мне выделить офицеру Цезарю Львовичу Куникову верных людей, хорошо знающих Миусский лиман, Таганрогский залив и приазовские плавни. Обком предлагал договориться с офицером о совместных боевых действиях партизан и моряков.

Куников улыбнулся:

— Недели две назад пил я воду из колодца в Самбеке, и вот снова дорога привела в ваш район.

Тем временем собрались члены райкома, и я попросил моряка подробнее ознакомить нас с положением на фронте. Куников достал из планшета карту.

— По данным разведки, — начал он сообщение, — немцы рассчитывали захватить Таганрог с запада и форсировать Миусский лиман. Моему отряду приказано готовиться к обороне Таганрога и, если вынудят обстоятельства, действовать на флангах у немцев, не давать им обойти Ростов с низовьев. Все суда, имеющиеся в колхозах, до последней лодки надо перебросить на противоположный берег моря, чтобы враг не захватил их.

В ту памятную ночь мы обсудили, как лучше организовать

взаимодействие моряков и партизан.

На другой же день я начал знакомить Куникова с Миусским лиманом и нижним течением Дона. Небольшой быстроходный катер пересек речку Широкую и взял направление к Дону. Вокруг простирались необозримые донские займища. Куников опознавал ерики и протоки по своей карте-километровке, наносил на нее необозначенные ориентиры.

Он насторожился, узнав, что верховой ветер сгоняет воду в дельте Дона и в заливе почти до самого Таганрога. В такую пору судоходные гирла превращаются в мелководные протоки. А вот низовка поднимает уровень воды в Дону до четырех метров.

— Ну ж местечко! — Куников улыбнулся и пошутил: — Верховку пока отставить.

— Так-то так, — заметил я. — Но при низовом ветре все партизанские базы всплывут немцам на «смотрины».

Командир моряков озабоченно произнес:

— Да, черт побери, партизанить в этих местах будет трудновато.

Катер вошел в гирла Дона. В кутах Зеленковом, Масловом и Лебяжьем стоял несмолкаемый птичий гомон. По песчаным отмелям заповедника бродили цапли, журавли, в камышах крякали утки. Все это пернатое население не обращало на нас внимания. Когда катер приближался к самому берегу, цапли недоуменно косились и лениво шагали в прибрежные заросли. В чистой воде косяками ходила рыба, то и дело вскидывались золотоспинные сазаны.

Мы залюбовались красотой гирл и на некоторое время даже забыли военные тревоги.

— Богатые места! — восхищению воскликнул Куликов.

Я знал, что на речке Средней старые рыбаки все еще рыбалили.

— Поедем к ним, — предложил я Куникову.

Рыбаки встретили нас приветливо. Они по-стариковски пожаловались, что в течение недели и ним никто не наведывался.

Мы подсели к бригадиру, моему давнишнему знакомому, односельчанину Ивану Герасимовичу Евтушенко.

— Как сыны воюют? — спросил я.

Лицо Ивана Герасимовича потемнело:

— На Алексея похоронная пришла… А от Андрюшки, младшего, давно нет писем.

Помолчали. Старик прокашлялся, словно сглотнул стоявший в горле комок, поглядел на меня, на Куникова:

— Похоже, партизанить собираетесь? Наверное, и товарищ, командир не зря к нам приехал? Ежели что от нас требуется —

поможем. Приазовские плавни, ерики, протоки с малолетства знаем.

В воздухе послышалось гудение. Высоко в небе летели к Ростову немецкие двухмоторные бомбардировщики.

— Вот гады! И днем и ночью бомбят, — ругались, мрачнея, рыбаки.

Несколько человек ушли к лодкам. Они начали готовиться; к очередному заезду. Собрались в путь и мы, но бригадир обратился к нам с упреком:

— Неужто обидеть нас пожелали? Не откушавши ухи — уехать? Старых рыбачьих обычаев забывать не следует.

Мы переглянулись и остались.

Кашевар, бывалый рыбак, быстро разделал осетра, извлек икру. Иван Герасимович наблюдал, чтобы свежепробойную икрицу не пересолили. Неподалеку из весел устроили треногу, подвесили котел.

— Неужели всего осетра сварят? — поинтересовался Куников. — Ведь велик.

— Посмотрите, — ответил я Цезарю Львовичу, — вон у берега чистят и судака, и сазана. И все это пойдет в котел. Отведаете настоящей донской ухи из разнорыбицы.

Обед удался на славу. Куников угостил рыбаков вином. Выпили за победу над фашистскими захватчиками, закусили икрой. Подоспела уха. Жирные куски осетра и сазана разложили на свежескошенном камыше. Развели из ухи крепкий рассол, полили им рыбу.

— Впервые в жизни пришлось отведать такой благодати, — признался Куников и поблагодарил рыбаков за угощение.

Перед отъездом я сказал бригадиру Евтушенко:

— Враг наседает. Рыболовство придется прекратить. Пару лодок оставьте, замаскируйте их, а баркас и невод подготовьте к эвакуации на левобережье.

Мы душевно распрощались с пожилыми рыбаками, вернулись на катер и двинулись вниз по реке. У островка «Комитета донских гирл» пристали к берегу. Я сообщил Куникову, что во время половодья островок не затопляется, поэтому здесь удобно базировать Донской отряд водных заграждений, которым он командовал. Прохаживаясь среди высоких развесистых верб, командир моряков прикидывал, где лучше отшвартовать катера, в каких помещениях можно разместить штаб, команды, откуда удобней вести наблюдение за морем и главным; трактом, едущим из Таганрога в Ростов.

Особенно заинтересовал Куникова один кирпичный домик. Его со всех сторон окружали вербы. Крыльцо выходило к Дону. На

стене была укреплена мемориальная доска с надписью: «Здесь, в здании лоцмейстерского поста, в сентябре 1901 года изобретатель радио, великий русский ученый А. С. Попов принимал радиопередачу через первую гражданскую радиостанцию».

Прочитав, Цезарь Львович сказал взволнованно:

— Вы только подумайте: в глуши — и такая достопримечательность!

Мы вошли в домик. В комнатах было пусто, лишь стояли старый стол да два стула. Остальную мебель партизаны вывезли в свой лагерь.

— После войны здесь музей надо создать, — предложил моряк, когда мы вышли.

Впоследствии я не раз слышал от него: «После войны», «Когда разобьем врага», «Дай срок…».

За несколько дней до поездки в плавни в райком пришло указание из обкома партии: «Закончить подготовку отряда вплоть до бытовых условий». Я тотчас предложил Куникову съездить на базу партизан, посмотреть, как они устроились.

В глухой ерик Забойный, заросший густым высоким камышом и чаканом, на катере удалось пробиться с трудом. Внезапно из куста лозняка, оплетенного ежевикой, нас окликнул часовой. Я ответил условленным позывным.

Куников улыбнулся:

— Боевая обстановка: часовые, пароль…

База отряда, которому присвоено название «Отважный-1». У берега причалены два двадцатитонных баркаса. Завели сюда их давно, еще по высокой воде. Тщательно замаскированные, накрытые камышом и осокой, баркасы походили на небольшую займищную возвышенность.

Мы пробрались внутрь одного из баркасов. Деревянные нары, на них — плетеные маты, теплые одеяла. На столе — карта-двухверстка, чернильница, лампа, над столом на стене — портрет В. И. Ленина. На этажерке — стопка книг. В углу — куб с водой, кружка, чайник, примус.

Партизаны окружили нас плотным кольцом. Одетые в ватные телогрейки, теплые брюки и высокие сапоги, они преобразились. В таком одеянии не сразу я узнал редактора районной газеты, председателя колхоза, секретаря райкома партии. Я познакомил товарищей с Куниковым. Моряк рассказал, какая обстановка сложилась на фронте.

Выслушав гостя, командир партизанского отряда Николай Прокофьевич Рыбальченко твердо сказал:

— По всему видно, что вскоре придется и нам действовать…

Я подумал: «А нынешний Николай Прокофьевич резко отличается от бывшего директора рыбозавода. Выражение лица, манера говорить — все у него изменилось. Автомат через плечо, две гранаты за поясом, брови сдвинуты. Партизанский командир!»

С Рыбальченко мы были товарищами еще с гражданской войны: вместе вступали в комсомол, вместе гонялись за беляками, прятавшимися в местах, где теперь нам предстояло партизанить…

В нашей родной Синявке на заре Советской власти избрали Николая Прокофьевича председателем сельского Совета, а затем он стал директором рыбного завода.

С первых дней организации отряда Рыбальченко требовал от партизан самой строгой дисциплины. Он отчетливо понимал, что враг силен, коварен, и в борьбе с ним требуются высокая организованность, постоянная бдительность, мужество, подлинный героизм.

По-военному четко Николай Прокофьевич сообщил нам о делах в отряде.

— Продовольствия заготовлено на шесть месяцев, — говорил он. — Боеприпасов на первое время хватит, а там обстановка покажет. Чего не хватит — добудем у немцев.

Куников шепнул мне:

— А командир, видать, боевой.

— Под стать командиру и завхоз отряда Куринков, — ответил я.

Петр Федорович Куринков, инструктор райкома партии, тоже участвовал в гражданской войне. Известие о вероломном нападении гитлеровцев на нашу страну застало его в больнице, после серьезной операции. Как только почувствовал себя окрепшим, Петр Федорович стал настойчиво просить выписать его из больницы. Он спорил с врачами, звонил мне по телефону. Я пытался убедить его в том, что не следует спешить, надо восстановить здоровье, а он и слушать не хотел: не то, дескать, время. Курникова все-таки выписали, и он тотчас явился в райком партии с настойчивой просьбой зачислить его в партизанский отряд.

В отряде Петр Федорович стал заведовать хозяйством. День и ночь заготовлял продовольствие, руководил оборудованием базы. Вот и в этот раз он с озабоченным видом обратился к Рыбальченко:

— Товарищ командир, разрешите доложить! При эвакуации хозяйства «Комитета донских гирл» я распорядился оставить пианино. Очень трудно его грузить, да и подумал: на кой леший

оно нам сейчас нужно? Инструмент спрятали в надежном месте, сеном укрыли, а душа болит: вдруг кто-то невзначай подпалит, погибнет замечательная вещь! Может, ночью доставить его на базу?

— Прошу вас, товарищи, оставьте инструмент на островке, — вступил в разговор Куников. — Пианисты у нас найдутся. Пожалуй, даже концерт устроим и вас пригласим.

На том и порешили.

Перед отъездом Цезарь Львович подошел к комсомольцам Ивану Ющенко и Леониду Сидоренко, самым молодым бойцам в отряде. По пути на базу я успел рассказать командиру моряков об этих парнях, горячих патриотах и симпатичных юношах. Застенчивый, скромный Ваня Ющенко выделялся своей физической силой. На занятиях в истребительном батальоне, созданном в начале войны, он взваливал на плечи небольшую лодку и переносил в другое место. Никто в отряде не мог дальше его метнуть гранату. Под стать ему был и Леня Сидоренко, такой же скромный и ладно скроенный. За последние месяцы Леня заметно возмужал, приобрел военную выправку.

Куников поговорил с молодыми партизанами, пожелал им боевых успехов. Расставаясь с отрядом, он обернулся у входа, с улыбкой помахал рукой и душевно сказал:

— До встречи!

В кругу семьи

С каждым днем фронт все ощутимее давал знать о себе. В районном центре — селе Покровском отчетливо слышались приглушенные орудийные раскаты. Надо было спешить с эвакуацией хозяйства, с организацией подпольно-диверсионных групп и партизанского отряда. Поступило срочное указание из обкома партии: оказать всяческое содействие армии в эвакуации госпиталей из Приморки и Морского Чулека на южный берег Азовского моря.

В Приморке мы встретились с Куликовым. Вместе с группой офицеров он знакомился с лиманами. Моряки помогли погрузить на лодки и баркасы рыболовецкого колхоза «Красный десант» раненых и отправить транспорты по назначению.

В свободную минуту я позвонил домой. В трубке послышался встревоженный голос жены:

— Что же это такое? Как в воду канули, никаких вестей ни от тебя, ни от сына.

— Все в порядке. Приеду — расскажу, — успокоил я жену.

Я предложил Цезарю Львовичу поехать на часок ко мне в дом. Моряк согласился.

В Покровское мы прибыли поздним вечером. Еще не так давно бывало: въезжаешь в село и сердце радуется. Конец трудового дня. С песнями возвращаются домой доярки и огородницы, с берега Миуса доносятся соловьиные трели. А сейчас предстало иное. Главная улица запружена автомобилями,

подводами. У колодцев толпятся женщины и старики, обсуждают свежие известия о событиях на фронте. Словно в потревоженном улье, гудят голоса односельчан и проезжих.

Мы с Куниковым вошли в дом. Обрадованная дочурка тотчас забралась ко мне на колени. Цезарь Львович угостил ее кусочком сахару и принялся рассматривать игрушки. Я и позже замечал, что он к детям относился с трогательным вниманием.

Жена тем временем согрела воды и предложила гостю выкупаться с дороги. Моряк поблагодарил за заботу.

— Закрутился вконец. Давненько в бане не был, — признался он. — Только вот белья со мной нет.

— За этим дело не станет, — ответил я.

Спустя полчаса гость шутливо говорил:

— Как вновь на свет народился. Большое вам спасибо.

На площади у райкома партии загрохотали зенитные орудия. Высоко в темном небе загудели немецкие моторы. Вражеские самолеты, по-видимому, летели бомбить переправу на реке Миусе. Дочурка прильнула ко мне и заплакала. Жена плотнее завесила окна. Она торопила нас укрыться в бомбоубежище.

Когда мы шли в бомбоубежище, неподалеку одна за другой разорвались две бомбы. Ухнула, застонала земля. Ракета, сброшенная с самолета, осветила все окрест. По обочинам дороги, падая, перебегая, люди спешили укрыться от смертельной опасности.

После бомбежки мы вернулись в дом. На столе валялись осколки лампового стекла, было угарно. Проветрили комнаты, зажгли каганец. Жена накрыла на стол. Молча сели за ужин. Неожиданно на пороге появился сын Михаил. Он работал на заводе в Таганроге, и мы с ним не виделись больше месяца. Сын поздоровался, пошел умываться и, вернувшись, обрадованно воскликнул:

— Ба! Мамины вареники! Я о них даже мечтал.

Оказалось, на станции Марцево Михаилу вместе с другими пассажирами поезда больше двух часов пришлось пролежать в кювете, спасаясь от бомбежек. Он рассказал, что в Таганроге не проходит и дня без воздушных тревог, налетов. В тяжелых условиях завод работает, выполняет и перевыполняет задания. Повреждения от бомбежек восстанавливаются быстро. Создана комсомольская аварийная дружина, живет она на казарменном положении.

С тревогой в голосе Михаил спросил у Куникова о делах на фронте, о возможной эвакуации завода. Цезарь Львович ответил коротко:

— Готовьтесь.

Не пропустить врага.

Михаил рассказал, как обстоят дела на заводе, как ему трудно осваивать новые, усовершенствованные станки. Когда Цезарь Львович узнал, что сын не закончил школу-десятилетку, он вспомнил о своем детстве:

— Что ж, Михаил, выходит, у нас с тобой много общего. Только в возрасте разница: ты родился в двадцать третьем, а я — в девятьсот девятом. Вот так и у меня начиналась жизнь. Вначале наша семья жила в Ростове-на-Дону, на бывшей Воронцовской, теперь — улица Баумана. Помнится, я очень увлекался рыбалкой. Соберемся ватагой, заготовим харчей и айда за Дон. За лето раз пять нос лупился. Потом мы переехали в Баку. Отец с трудом добывал на пропитание. С утра до вечера я пропадал в морском порту: тянуло к морю. Перестал посещать школу. Чтобы приучить к труду, отец определил меня учеником в механическую мастерскую. Через некоторое время мы переехали в Донбасс, в Макеевку. Там я поступил на завод. Кстати, Михаил, какое комсомольское поручение ты выполняешь?

Сын ответил, что он руководит дружиной по ликвидации пожаров.

— А вот мне в начале моей комсомольской работы райком поручил заведовать подотделом агитации, — продолжал рассказывать Цезарь Львович. — Председательствовал я в агиткомиссии. Потом избрали меня секретарем комитета комсомола. Все шло хорошо, но образования не хватало. Был объявлен призыв на флот, и я с комсомольской путевкой отправился в Ленинград, в военно-морское училище имени Феликса Дзержинского, знаменитую кузницу морских инженеров. Начал готовиться к вступительным экзаменам. Мучила математика… В общем, не повезло: испытаний не выдержал. Конечно, горько было, но руки у меня не опустились. Опять стал учиться. В октябре двадцать девятого года был принят на подготовительное отделение. И опять неудача: заболел, пролежал долго в госпитале, и меня отчислили из училища… На Московском тормозном заводе избрали меня секретарем заводской комсомольской организации. Осенью тридцать первого года по путевке комсомола направили в Промышленную академию. Представилась возможность заниматься и в машиностроительном институте. В 1935 я получил почти одновременно два диплома: звание инженера-организатора и инженера-технолога и механика. В 1938 мне доверили пост начальника технического отдела наркомата тяжелой промышленности. А через год я стал работать ответственным редактором газеты «Машиностроение». Но кем бы я ни был, любовь к морю, к кораблям не покидала меня.

…Время незаметно перевалило за полночь. Гость поблагодарил и извинился за долгие воспоминания: отвел душу за все время, в течение которого не видел свою семью. Мы уже знали: у Куникова в Москве остались любимая жена и сынишка Юра.

Расстались друзьями. Жена просила наведываться, как к себе домой. Моряк крепко пожал нам руки, поцеловал нашу спавшую дочурку. Пристально, с улыбкой посмотрел на Михаила, тихо оказал ему:

— Не останавливайся перед любыми трудностями, если наметил высокую цель. Комсомолец побеждает при всех обстоятельствах. При всех…

Куников поспешил в Ростов — принимать боевые катера.

У секретарей обкома партии

Наутро в райкоме собрались члены бюро. Обсудили первостепенные вопросы: о ходе строительства оборонительных сооружений, о потайных местах хранения продовольствия для партизанских отрядов. Потом приезжали председатели колхозов, советовались, как поступить с зерном, скопившимся на токах, просили помочь транспортом. Озабоченные, усталые, пришли со своими неотложными нуждами военные товарищи. Обстановка вынуждала до предела убыстрить земляные работы на строящемся рубеже обороны. Дополнительно требовались люди.

Под вечер раздался телефонный звонок из Ростова. Меня срочно вызывал секретарь обкома партии Борис Александрович Двинский.

По пути я остановился в Самбеке посмотреть, как идут оборонительные работы. Противотанковые рвы начинались у самого моря и тянулись в глубину нашего района, огибая Таганрог, по направлению к Матвеево-Кургану. Кое-где глубокие траншеи пролегали по колхозным садам и виноградникам. Тысячи крестьян с лопатами в руках, не жалея сил, помогали армии сражаться с ненавистным врагом.

Когда мы подъезжали к Ростову, вражеская авиация бомбила город. Куда ни посмотришь, всюду бушевало пламя пожаров. В районе моста и у железнодорожного вокзала наши зенитки отражали воздушный налет. При въезде в город нас оглушили

грохот разрывов, яростная дробь крупнокалиберных пулеметов и частые выстрелы зенитных орудий.

Шофер завел райкомовский вездеход во двор разрушенного дома на Пушкинской улице. Я пошел в обком через городской сад. Было безлюдно, лишь в одной аллее у автомобилей, замаскированных ветвями, копошились люди.

Здание обкома было почти разрушено вражеской авиацией, и комитет разместился в подземном убежище. Я опустился по ступенькам, освещенным тусклым светом электрических ламп. Внизу, у входа, дежурный офицер внимательно рассмотрел мое удостоверение секретаря райкома и партийный билет и сказал уважительно:

— Проходите, товарищ.

В конце длинного узкого коридора из полуоткрытой двери на пол падала полоса света. В комнатах за перегородками из досок размещались приемная и кабинет первого секретаря обкома партии.

В приемной толпились люди. Помощник секретаря выслушивал посетителей и советовал, к кому обратиться. Тем, кто настаивал на встрече с первым секретарем, он отвечал, что товарищ Двинский принимает только прибывших по вызову.

— Вам придется немного подождать, — сказал он мне и впустил в комнату отдыха, смежную с кабинетом секретаря. — Можете прилечь на койку, — предложил он. — Как только Борис Александрович освободится, я вам сообщу.

Койка для приезжающих… Трогательная деталь сурового фронтового быта. В обкоме знали, что на сон у партийных работников времени почти не оставалось, поэтому для них дорога была, каждая свободная минута.

Однако заснуть не пришлось. За дощатой стеной кто-то поспешно прошел и громко произнес:

— Товарищ член Военного совета!. Вас вызывает Ставка!

Двинский поспешил к телефону. Вслед за ним в коридор вошла группа военных.

Вскоре секретарь вернулся и принял меня в небольшой комнате, служившей ему кабинетом. Как обычно, он поднялся из-за стола, сделал несколько шагов навстречу, поздоровался и пригласил сесть. Одетый в суконную, защитного цвета гимнастерку, Б. А. Двинский походил на военного человека. А в остальном он был прежним. Тот же внимательный взгляд, те же скупые движения рук, тот же теплый голос. И только присмотревшись, я заметил отеки под утомленными глазами. Красноречивее слов они свидетельствовали о бессонных ночах и тяжелых заботах.

Борис Александрович вкратце обрисовал мне положение на фронте. Отвечая на его вопросы, я рассказал об эвакуации людей, колхозных машин, скота…

— А вот что делать с зерном — не знаю, — заключил я свое сообщение. — Ведь его на элеваторах и токах больше десяти тысяч тонн!

Подумав, секретарь предложил:

— Зерно, какое не успеете вывезти, раздать колхозникам. Хлеб — это их труд, их кровь. Пусть берут и прячут. Чтобы ни одного зернышка не досталось врагу!

Наступила небольшая пауза. Прикрыв рукой воспаленные глаза, Борис Александрович спросил, как в районе обстоят дела с подготовкой партизанского отряда и диверсионных групп.

— Не забывайте, — напомнил он, — подбирать на ответственные задания людей смелых, выдержанных, самоотверженных. Нужно разъяснять им, какая большая опасность их ждет. Пусть каждый подумает, сможет ли он, найдет ли в себе достаточно мужества.

Я сообщил, что в партизанский отряд подобраны достойные бойцы из жителей Марьевки, Синявки, Приморки, Морского Чулека. Подготовлено восемь диверсионных трупп, намечены явочные квартиры.

Борис Александрович одобрительно покачал головой и сказал:

— Никто не должен знать расположение отряда, тогда как каждый в отряде должен знать дорогу к противнику. Для этого необходимо иметь связь с надежными людьми, хорошо знать, на кого можно положиться, кому доверять. Это нелегкая задача. Всего сейчас не предусмотришь. В Азовском море будут действовать моряки военной флотилии. Вы получили из обкома указания?

— Да, указания выполняем. Помощь морякам оказана, лодки переправлены на левый берег Дона.

Рассказал о встрече с Куниковым. Борис Александрович улыбнулся:

— Как видно, боевой офицер. Его отряду доставили морские катера по железной дороге, но почему-то произошла заминка с выгрузкой — он забил тревогу. Ко мне добрался. Помог ему… И еще: пулемет в музее обнаружил, опять — ко мне. Вооружение на катерах недостаточное, а станковый пулемет требует лишь незначительной починки. Директор музея — человек упрямый. Пришлось вызвать его. Он начал доказывать, что у этого пулемета замечательная история. В семнадцатом году из него строчили по юнкерам у Зимнего, по белобандитам Юденича под Петроградом,

уничтожали интервентов. В двадцатом году буденовцы с этим пулеметом, установленным на тачанке, первыми ворвались в Ростов… Все же пришлось убедить директора и передать пулемет морякам. Куников благодарил. — Немного помолчав, Борис Александрович добавил: — Держи с моряками связь — они выполняют ответственную задачу…

В комнату вошли второй секретарь обкома Петр Ильич Александрюк и помощник секретаря. Помощник наклонился к Двинскому и тихо сказал, что его ждут срочно вызванные товарищи.

Борис Александрович понимающе кивнул головой:

— А, собрались директора заводов. Задержка эшелонов с оборудованием.

Он встал и, обращаясь к Александрюку, предложил детально обсудить со мной подготовку к партизанским действиям.

В кабинете Александрюка, как и у Двинского, на стене висела большая карта СССР с обозначением на ней линии фронта. Рядом — карта нашей области. Западная часть этой карты была испещрена условными отметками и пунктирами.

Петр Ильич пригласил меня к карте и указал на район приазовских плавней. На карте были отмечены места базирования партизанских отрядов. Затем Александрюк познакомил меня с расположением явочных квартир, которые следовало внести в систему конспиративных связей. Потом я подробно рассказал о продовольственном обеспечении отряда с расчетом на полгода. А вооружения не хватало. Винтовки имелись у каждого бойца, ручных пулеметов только три да полсотни гранат. Куников обещал снабдить взрывчаткой, но много не выделит, моряки сами нуждались в боеприпасах.

Александрюк раскрыл блокнот и сделал пометки.

— На первый случай обеспечим бутылками с горючей смесью, — сказал он. — И еще: могу предложить портативную пишущую машинку. Будете печатать листовки, обращения. У вас в отряде и редактор есть.

Хорошо зная приазовские плавни, Петр Ильич посоветовал, куда, в случае необходимости, перебазировать отряд.

— Нечего скрывать, сложно партизанить в равнинном Приазовье, — продолжал он, — труднее, чем в лесах. Будьте бдительными. Население горой стоит за Советскую власть, но в семье не без урода. Могут объявиться и одиночки-предатели, из разных «бывших» да «обиженных». Кстати, фашисты пытаются заигрывать с казачеством. Вытащили из нафталина генерала Краснова, того, который в годы гражданской войны формировал на Дону казачьи сотни на борьбу с революцией. Сейчас в

оккупированных районах он объезжает лагеря военнопленных, призывает сотрудничать с немцами. Напрасно старается гитлеровский холуй!

Петр Ильич вынул из папки документ и протянул мне:

— Почитай открытое письмо казаков этому извергу. Написано оно еще в мае 1918 года, в ответ на предложение Краснова частям Красной Армии сложить оружие, а звучит весьма современно. Вот оно, это письмо: «…Будь проклят, генерал-кровопиец… Ты несешь цепи позорного рабства для трудового казачества. Помни, этому не быть!.. Не имея твердой опоры, опираясь на германские штыки, желаешь гасить огонь справедливой могучей Октябрьской революции. Все равно свернешь себе шею… Наш совет — застрели себя сам, по примеру Каледина, иначе тебя ждет позорная смерть от рук восставших трудовых казаков…» Так отвечают вражьему прихвостню казаки и в наши дни, — сказал Петр Ильич, пряча письмо. — Не миновать Краснову виселицы.

Слова его оказались пророческими. В 1947 году царский генерал Краснов решением советского суда был приговорен к смертной казни и повешен…

Перед расставанием Александрюк вновь повел разговор о важности конспирации в боевой жизни отряда, призвал поддерживать тесную связь с областным комитетом партии и руководством партизанским движением.

Перед отъездом я зашел к Двинскому проститься. Борис Александрович сидел за столом, читал документы. Увидев меня, он устало откинулся на спинку стула, спросил:

— Что, в путь-дорогу?

Он встал, вышел из-за стола, положил мне на плечо свою широкую ладонь, сказал тихо:

— Спеши в район. Вести неутешительные. Бои идут на подступах к Миусу. Все сосредоточено на обороне Таганрога. До скорой встречи!

…Над Ростовом ползли тучи дыма от негаснувших пожаров. За Доном, в районе Батайска, слышались разрывы бомб. Вблизи Чалтыря нам повстречались пехотные подразделения. Они занимали оборону в траншеях, отрытых местными жителями. У Недвиговки зенитная артиллерия отражала налет немецких бомбардировщиков. Наша машина мчалась на запад, туда, где пролег передний край войны.

По пути я обдумывал свои встречи в обкоме партии. Ни у кого я не заметил и тени растерянности. Было другое: обычная деловитость, напряженный труд, была глубокая вера в могучие силы народа. Я словно получил там заряд бодрости, которого —

чувствовал — хватит надолго.

Боевое крещение

Обстановка на фронте под Ростовом продолжала накаляться. В конце сентября возник Таганрогский оборонительный участок. Войска получили приказ занять оборону по реке Миусу. Наш партизанский отряд еще не приступал к активным боевым действиям, зато побратимам-морякам вскоре довелось скрестить с врагом оружие.

Командование Азовской военной флотилии поставило перед отрядом Куникова три задачи: оказывать поддержку армейским подразделениям у водных рубежей, охранять переправы и, сообразуясь с боевой обстановкой, предпринимать десантные операции.

Незадолго перед тем в отряд прибыла группа офицеров-москвичей. Комиссаром отряда стал Василий Петрович Никитин, товарищ Куникова еще по совместной комсомольской работе, заместителем командира по строевой части — Вениамин Сергеевич Богуславский, архитектор по образованию, но сведущий в военном деле человек.

В нашем краю отряд, состоявший в основном из москвичей, пополнился молодежью, призванной в Азовском, Александровском и других близлежащих районах. Теперь многие бойцы в отряде Куникова хорошо знали Азовское море, приазовские плавни и южные степи.

Боевая подготовка в отряде велась днем и ночью. Куников составил памятку бойцу-десантнику, по-суворовски афористичную. Вот она: «Идя в море, обеспечь строжайшую

маскировку и строгий порядок». «Паника на корабле, катере — смерти подобна». «Неустанно следи за противником». «При высадке на берег действуй быстро и организованно». «Как бы враг ни оборонялся или наступал — он должен быть уничтожен». «От смелого удара — враг бежит». «Научись умело просачиваться в тыл врага». «Проявляй инициативу и военную хитрость». «Точно выполняй приказание командира! Помни, что трусость — это предательство Родины!» «Перед боем забудь обо всем, что есть на душе. Об одном твердо помни — победить!» «Один против двух, нет, сколько бы врагов ни встретилось — всех старайся уничтожить!»

Цезарь Львович готовил к боям команды катеров со всей страстью своей кипучей натуры, максимально приближая занятия к боевой обстановке.

Часто, исхлестанные холодным дождем, краснофлотцы взбирались в ночной темноте на крутой обрыв Турецкого вала на окраине Азова, укрывались в расщелинах, спускались к самому Дону. Команды тренировались «на высадку» каждую ночь. Командиры первыми прыгали в воду с катеров и первыми добирались до берега.

Помнится, однажды на разборе учебных занятий Куников объяснял:

— Командовать — это значит умело использовать все средства боевой техники, все свои знания, изобретательность, инициативу. А главное — ценить человека. Чем больше ты, как командир, ценишь в человеке его достоинство, инициативу, тем на большее он способен. Человек сильнее всякого боевого оружия.

Используя опыт отряда Куникова, занимались боевой подготовкой и партизаны. Но недолго продолжалась напряженная учеба.

В октябрьскую ночь по приказанию командования Азовской военной флотилии часть катеров направилась в Миусский лиман. Вместе с моряками ушла на первое боевое задание и группа партизан, хорошо знавших побережье Азовского моря и Миусского лимана.

Ночь выдалась темной и ветреной. Вдали, на горизонте, багровело зарево. Там горели скирды необмолоченного хлеба, колхозные постройки. Катера, разрезая крутую волну, полным ходом шли по заданному курсу. Бойцы сидели и лежали на низких палубах катеров, не выпуская из рук винтовок, автоматов. Кто спал, кто тихо, вполголоса, разговаривал с товарищем. Иные, накрыв голову, украдкой курили, думая о чем-то своем.

Молодой боец-партизан Леонид Сидоренко примостился на связке канатов, лежавших на носу катера, смотрел на зарево и

угадывал, в каком колхозе бушевало пламя. Рядом с ним, завернувшись в плащпалатку, лежал моряк старшина Василий Молотов. Он не спал, ворочался, то и дело приподнимался, оглядывая горизонт.

— Тебя наше море страшит? — спросил Сидоренко.

— Меня-то? — усмехнулся Молотов. — Отец мой моряк. Сам я родился на берегу Балтийского моря. А ваше Азовское против нашего — большая лужа.

Сидоренко вроде обиделся:

— Лужа, говоришь? Погоди, как заштормит, болтанка такая будет…

— Если до утра не высадимся, — примирительно пробасил старшина, — да налетит авиация, тогда заговорите о болтанке иначе.

Под утро ветер усилился. Волны перехлестывали через палубы катеров, но десантники держались уверенно.

В предрассветной дымке показались призрачные очертания высокого берега, светлые пятна домов. Мелководье заставило изменить план высадки. Часть катеров с глубокой осадкой отправилась в обход мимо рыбачьего хутора Ломакино и вскоре достигла указанного, места в Миусском лимане.

Отделение старшины Молотова получило задачу: занять участок у рыбоприемного пункта недалеко от переправы. Это был самый важный участок. Отсюда легко наблюдать весь берег лимана и дорогу, идущую в степь. По этой дороге предполагалось наступление немецкой пехоты, возможно, в сопровождении танков. Предстояло встретить врага и задержать его любой ценой, пока основные силы отряда основательно не закрепятся у переправы через Миус.

С передовых позиций доносился гул канонады, дробь пулеметных очередей. Но с восходом солнца установилась полная тишина. Лишь изредка с неба глухо слышались прощальные крики улетающих журавлей.

Весь день прошел в томительном ожидании. Десантники окопались и замаскировали окопы. Наступила ночь. Молотов внимательно следил за дорогой, но враг не появлялся. Перед рассветом моряка стало тяготить одиночество.

— Сидоренко! — окликнул он тихо. — Как там?

— Морской порядок! Жду команды.

— Тогда швартуйся ко мне!

Леонид лег рядом с товарищем. Он стал рассказывать, как на утренней заре при тихой погоде в донских гирлах от рыбы кипит вода.

— Здесь ночи намного темнее, чем в Ленинграде, — сказал

Молотов. — Ты бывал там?

— Нет, не довелось.

— Родом я оттуда. Перед войной окончил школу, поступил в электротехнический институт. Мечтал стать инженером-электриком.

Молотов рассказал, что его накануне отправки на фронт отпустили на сутки домой. Прощаясь, отец наказывал ему защищать Родину с той же отвагой, с какой моряки-балтийцы защищали молодую Советскую власть. Старшина показал кортик — подарок отца.

Сидоренко прервал воспоминания товарища:

— Постой! Видишь?

Он показал на облачко пыли, оно чуть-чуть угадывалось в рассветной мгле. Облако вскоре растаяло. На востоке разгоралась заря. В этот ранний час необмолоченные скирды напоминали степные курганы. Вдруг снова вздыбилась пыль, на этот раз яснее и ближе. Послышался металлический звук.

— Танки! — вскрикнул Молотов и отдал команду приготовиться к бою.

Вскоре на командный пункт десантного отряда старшина сообщил, что на их позицию движется пять немецких танков.

Тем временем шум от движущихся машин перерос в грохот. На крутом спуске к прибрежной полосе лимана показался танк. За ним — второй, третий… Взметая пыль, грозные машины начали спускаться по дороге, навстречу горстке советских воинов.

Где, в каких поверженных странах оставили фашисты следы своих танков, прежде чем появиться в поблекшей степи? В каких грабительских походах по Европе они участвовали, почти не встречая сопротивления? Не потому ли так самоуверенно грохочут они сейчас?..

Ближе всех к головному танку оказался окоп Сидоренко. Старшина Молотов с тревогой подумал, как бы Леонид, парень, видать, горячий, не слишком рано бросил гранату.

Танк совсем близко. Секунда, две… Взрыв! Машина круто повернулась на одной гусенице и поползла по склону к берегу, как подбитое чудовище.

Старшина усмехнулся:

— Морской порядок!

Второй танк остановился довольно далеко и открыл огонь из пулемета. На какое-то мгновение пулемет замолк. Тотчас вперед, пригибаясь, метнулась фигура моряка. Под гусеницу полетела граната. Танк рванулся вперед, потом назад и замер на месте. Немцы попытались выбраться из подбитой машины, но автоматчик Халилов скосил весь экипаж. Боец уничтожил пять

фашистов, да и сам не уберегся от вражеской пули: погиб смертью героя.

Старшина подал знак Сидоренко, чтобы тот полз к нему в надежное укрытие — цементную яму-ванну, уцелевшую в рыбцехе. Оттуда удобно было вести огонь.

Невдалеке возвышались штабеля досок и порожних ящиков для упаковки рыбы. Вскоре десантники заметили: между штабелями полз немец с автоматом на шее. В другом просвете мелькнул: еще один, за ним второй, третий…

— Хотят окружить, гады, — тихо сказал старшина Леониду. — Станут ли они перебегать по одному или сразу бросятся в атаку?..

Сидоренко приготовил гранату. Командир отделения сурово взглянул на него своими светлыми, словно стальными, глазами.

— Без команды не смей бросать! — приказал он. — Надо рассмотреть лучше, подпустить ближе.

Вскоре один немец вышел на простор, огляделся, подал сигнал и побежал вперед. Вслед за ним — бросились человек десять.

— Сдавайсь, рус! — кричал первый бегущий фашист.

Десантники открыли яростный огонь из автоматов. В атакующих гитлеровцев полетели гранаты. Две гранаты метко бросил Сидоренко. Не осталось ни одного гитлеровца в живых.

— Ну-ка, давайте следующие! Ну-ка!.. — перезаряжая автомат, шептал Молотов. Пожалуй, и мать не сразу узнала бы в этом грозном воине с воспаленными веками, — с прилипшей ко лбу черной прядью волос своего ласкового сына.

Старшина почувствовал боль в ноге. Он достал индивидуальный пакет, наскоро перевязал рану и снова взялся за оружие.

Моряки хорошо усвоили напутствие командира отряда: «Перед боем забудьте обо всем на свете. Только об одном твердо помните — победить!» И они бились отважно, расчетливо, один за троих. Не отставал от них в мужестве и молоденький партизан Леня Сидоренко.

Все атаки захватчиков отбиты. Горстка бойцов выстояла. Старшина отер пот со лба и ободряюще озорно подмигнул напарнику…

В это же время на западном участке вражеские атаки следовали одна за другой. Гитлеровцы стремились любой ценой овладеть переправой, форсировать Миус.

Комиссар отряда старший политрук Никитин находился вместе с бойцами. Один его вид, уверенный и внешне спокойный, благотворно действовал на необстрелянных моряков и партизан,

ведущих свой первый бой. Комиссар требовал подпускать гитлеровцев поближе и стрелять наверняка.

Десантники отбивали седьмую атаку противника. Каждый раз вслед за артиллерийским налетом немцы-пехотинцы бросались к переправе. Их встречали дружным огнем. С фланга выбивал частую дробь станковый пулемет краснофлотца Павла Потери, комсомольского вожака с хутора Павловки, что в Азовском районе. Сам командир отряда вручил ему легендарный пулемет, взятый в Ростовском музее революции. У краснофлотца-наводчика было такое ощущение, что не он обороняется от наседающих фашистов, а враги отбиваются от яростного огня пулеметчика…

Вскоре в оперативной сводке штаба фронта появилось сообщение: «Войска 9-й армии и Таганрогского боевого участка во взаимодействии с моряками отряда Куникова отбросили противника на 10–15 километров к западу от реки Миус».

Десять суток куниковцы совместно с группой партизан вели ожесточенные бои, нередко контратаковали противника, пытавшегося переправиться на этом участке, чтобы захватить Таганрог с восточной стороны. Они сумели сделать лиман непроходимым. Не добившись успеха, гитлеровцы повели наступление на город с севера.

17 октября фашистские войска вторглись в Таганрог. Куников получил приказ: катерам выйти в район Таганрогского залива, где действовать совместно с канонерскими лодками.

На окраине города, у самого порта, на высоком берегу остановились вражеские танки с белыми крестами. Они в упор расстреливали суда с мирным населением и ранеными советскими бойцами на борту. Вначале фашисты выводили из строя у судов, не успевших уйти в море, машины и рулевое управление, затем переносили огонь на каюты и палубные надстройки.

Над портом стоял неумолчный, душу раздирающий крик, разносившийся далеко в море. Женщины, дети взывали о помощи. Огонь вражеских танков не прекращался. Вода кипела от разрывов немецких мин и снарядов. Автоматчики в черных касках бегали по берегу и расстреливали беззащитных людей.

Вскоре в море появились советские военные суда — канонерские лодки и катера. Гитлеровцы перенесли на них огонь. В ответ с канонерских лодок грянули орудия. Фашистские танки окутались черным дымом. Враг отошел в глубь города. Это позволило взять на буксир поврежденные суда и вывести их из зоны огня в открытое море.

В воздухе загудели немецкие самолеты. Командир отряда

Цезарь Куников распорядился приготовиться к отражению атаки воздушных пиратов. Завеса огня помешала вражеским бомбардировщикам сбросить бомбы прицельно. Высокие столбы воды и морского ила поднялись поодаль от боевых кораблей и транспортов.

Вскоре противник повторил воздушный налет на корабли. Снова заработали зенитные пушки, пулеметы. Снаряд одного из зенитных орудий попал в цель. Фашистский стервятник быстро пошел вниз, оставляя за собой хвост дыма.

Транспорты с жителями Таганрога и ранеными бойцами удалось отвести далеко в море, когда канонерку, прикрывавшую отход, атаковали немецкие бомбардировщики. На палубе возник пожар. Вышло из строя рулевое управление, Куников отдал приказ снять команду и потопить лодку. Катера подошли к спущенному трапу, раненые и все, кто уцелел, были сняты. Катера отошли на значительное расстояние, когда в воздухе вспыхнуло оранжевое пламя: на канонерке раздались два мощных взрыва.

Куников не мог оторвать глаз от корабля, скрывавшегося в морской пучине. Позже нам стало известно, с каким мужеством билась с врагом команда погибшей канонерской лодки. Командир орудия Коровановский получил тяжелое ранение, но вел огонь до тех пор, пока не потерял сознания. Наводчику орудия Шевченко оторвало обе руки. Умирая, он призывал товарищей защищать Родину до последней капли крови. Командир отделения котельных машинистов Чижов, рискуя жизнью, пытался устранить аварию котла.

С непоколебимым бесстрашием, геройски дрались куниковцы, защищая Таганрог, спасая людей. А когда приходилось особенно круто, ни один поврежденный боевой катер не спускал флага, предпочитая гибель позорному плену.

Пострадала от вражеского огня и вторая канонерка. Потеряв ход, она остановилась на виду у противника. Лишь наступившая темнота уберегла ее от артиллерийского обстрела. В ту же ночь во главе группы катеров, прихватив с собой буксир «Фанагория», Куников поспешил на помощь экипажу канонерской лодки. Ее взяли на буксир и доставили в Ростов, где лодку отремонтировали, и она вновь участвовала в боях.

За время боевых действий на Миусском лимане под Таганрогом и на море потери отряда водных заграждений составили 75 человек убитыми и ранеными. Куниковцы же спасли от неминуемой гибели сотни жителей города и раненых воинов Красной Армии.

Не щадя самой жизни

Когда враг рвался к Таганрогу, а его танковые части развивали наступление на Ростов, в Неклиновском районе пылали пожары, уходили на восток последние обозы с эвакуированными, санитарные машины с ранеными бойцами, гурты скота.

15 октября в здании исполкома районного Совета расположился штаб воинской части, занявшей оборону у реки Миус. Власть перешла к начальнику гарнизона.

…Ночь. В помещении райкома партии все окна тщательно завешены. Работники райкома упаковывают документы, уничтожают малоценные. Уборщица тетя Даша снимает шторы с окон, скатерти со столов и аккуратно складывает их. Она спросила разрешения перенести к себе домой стулья и диван.

— Як тильки вернетесь, Александр Пахомович, — говорила она, — зараз все буде на мисти.

«Як тильки вернетесь…» — не впервые слышал я эти слова. Их произносили в селе уверенно, как само собою разумеющееся. В советских людях жила глубочайшая вера в нашу победу над немецко-фашистскими захватчиками.

Заведующий хозяйством райкома Кузьма Маркович Фоменко аккуратно укладывал в кузов грузовика ящики с документами, тщательно укрывал их брезентом. Завхоз наказывал инструктору райкома, сопровождавшему документы, следить, чтобы ящики не попали под дождь.

В углу двора темнела вместительная яма, обшитая досками.

Там сложены литература партийной библиотеки, пишущие машинки и другое имущество райкома. Кузьма Маркович закрыл яму, утоптал грунт, присыпал сухой землей. Шепнул мне, где схоронены сейфы: «Возвратитесь, понадобятся».

С Кузьмой Марковичем мы старые друзья. В 1932 году Таганрогский горком партии направил меня в село Покровку, в колхоз «Путь к социализму», где меня избрали секретарем партийной организации. В то время в колхозе сложилась тяжелая обстановка. Не хватало фуража, семян. Кузьма Маркович, старожил села и активный колхозник, член партии, хорошо помогал мне, особенно на первых порах.

Потом меня послали учиться в партийную школу, но связи с Фоменко у нас не порывались. По окончании школы меня направили на работу в Неклиновский район и вскоре избрали секретарем райкома партии. С той поры мы с Кузьмой Марковичем трудились неразлучно.

Командир партизанского отряда «Отважный-1» Н. П. Рыбальченко (справа) и комиссар отряда А. П. Даниловский.

Когда начали создаваться подпольно-диверсионные группы, Кузьма Маркович попросил оставить его подпольщиком в Покровке. Я убеждал его эвакуироваться.

— Ведь ты старый член партии, — говорил я. — Два сына-коммуниста служат в армии. Враги схватят тебя — не помилуют.

— И кто во мне партизана признает, — отвечал он. — Инвалид империалистической войны, на деревяшке, без ноги. А помочь подпольщикам я сумею, в тягость не буду.

Он настоял на своем. На прощание мы крепко обнялись, пожелали друг другу удачи.

…Гул фронта становился все ближе. Зарево пожаров

полыхало на десятки километров. Казалось, сама земля горит на горизонте.

Схлынул поток эвакуированных, отодвинулись подальше в тыл армейские хозяйственные службы. На перекрестке в центре села появился красноармеец-регулировщик. К нему то и дело обращались водители военных машин, раненые бойцы-одиночки. Отвечал он коротко и четко, чаще взмахом флажка указывал направление.

Последними покидали село работники райкома партии и бойцы партизанского отряда.

Райком партии и штаб партизан разместились в Синявке, на территории рыбозавода. Совсем недавно на берегу Мертвого Донца текла мирная жизнь. Слышался веселый перестук молотков у заготовителей тары, металлический шум лебедок, поскрипывание транспортеров, выгружавших рыбу из катеров и водаков, далеко окрест разносились задорные песни девушек-работниц. А теперь на заводе было безлюдно, тихо.

Хорошо запомнился мне тот пасмурный день — 20 октября сорок первого года. Над Мертвым Донцом, над селом плыли свинцовые тучи. Глухо бухали где-то поодаль наши орудия, грохотали разрывы немецких снарядов. Пустынны улицы, во дворах — ни души. Даже собаки попрятались неведомо куда. На душе тревожно, тоскливо, но я понимал — не время давать волю подобным чувствам. Нас ждет жизнь, полная опасностей, требующая мужества, смелости, железной выдержки.

С наступлением темноты отряд партизан уходил в плавни Приазовья. Багровые отсветы горевшего элеватора освещали суровые лица бойцов.

…И вот мы в плавнях. Густые заросли, топкие болота, мелкие ерики, заросшие осокой. В камышах дикие утки лениво перекликались с юркими утятами. Пасмурно, сыро. Там, где встречались перекаты, бойцы отряда по мелководью тянули лодки вброд. С большим трудом достигли ерика Забойный. Из куста краснотала, оплетенного ежевикой, нас окликнул часовой. Наконец-то рядом база.

На базе в это время наводили порядок. Завхоз Петр Федорович Куринков давал указания, где разместить продовольствие, обмундирование, литературу.

Начальник штаба отряда Яков Андреевич Заговельев, по профессии учитель, до последнего времени работал в райкоме третьим секретарем и ведал пропагандой. Он просил бойцов бережнее складывать книги.

Завхоз подошел к командиру отряда и по-военному четко доложил о запасах, доставленных на базу:

— Муки имеется пятнадцать тонн, сухарей четыре тонны, соли в достатке, спичек хватит на длительное время, запасного обмундирования — сто комплектов. Всего заготовлено на шесть месяцев жизни отряда.

…День клонился к вечеру. С юго-запада надвигались низкие тучи, приазовские займища тонули в сумерках. Под темным навесом туч слышался птичий гомон. Казарки, гуси сбивались в стада, готовясь к отлету.

Приказано отдыхать, но многие не опали. Лежа на нарах, партизаны тихо переговаривались. Они ждали возвращения товарищей, посланных с отрядом моряков для участия в десантной операции.

К полуночи часовой с поста доложил:

— Движется лодка. По сигналу — свои.

Вернувшихся товарищей окружили тесным кольцам. Леонид Сидоренко рассказывал о героизме моряков в боях у Миусского лимана. Он вручил командиру отряда письмо от Куникова. В письме Цезарь Львович благодарил партизан за помощь, хвалил за смелость.

Поутру мы с Рыбальченко собрали всех бойцов отряда. Память товарищей, погибших под Таганрогом, почтили молчанием. Перед партизанами выступил командир.

— Наша задача, — сказал он, — как можно больше уничтожить вражьей силы, скорей освободить советских людей из фашистского плена. Для этого нам нужна железная дисциплина…

Тут же партизаны дали клятву.

— «Я, гражданин Советского Союза, партизан-мститель, клянусь перед своими товарищами, что буду бороться, не щадя своих сил и жизни, пока не будут уничтожены все немецкие гады на нашей земле… — громко, с чувством читал командир отряда и сурово, грозно вторили ему бойцы. — …Я клянусь хранить партизанскую тайну и, если попадусь в лапы фашистов, умру, но не выдам своих товарищей. Я буду честно выполнять указания командира, комиссара, отдавать все силы на уничтожение бешеных собак-фашистов, мстить им за погибших товарищей, за поругание и оскорбление наших братьев, сестер, матерей, отцов…»

После собрания ко мне подошли два друга — комсомольцы Ваня Ющенко и Леня Сидоренко.

— Товарищ комиссар! — обратился Ющенко. — У вас найдется карандаш и два листа бумаги?

Я удовлетворил просьбу. Друзья, отойдя поодаль, о чем-то посовещались. Положив на колени полевую сумку, Ющенко написал несколько слов, подумал, потом встал и подошел ко мне.

— Вот, Александр Пахомович, — сказал он с застенчивой улыбкой, — хочется написать с чувством, а не получается. Не могу высказать!

С этими словами он протянул мне лист бумаги. Вверху написано: «Прошу принять меня в ряды партии».

Подошел и Сидоренко:

— Я тоже, Александр Пахомович, подаю заявлений.

Передо мной стояли два комсомольца. Широкоплечие, коренастые, с загорелыми, обветренными лицами. На груди в вырезах рубах виднелись морские тельняшки — подарок куниковцев. Такие похожие и вместе с тем разные. Партизаны, готовые на смертный бой с лютым врагом за великое дело ленинской партии.

Я обнял дружков-станичников за плечи. Мы медленно пошли вдоль островка, беседуя о священных обязанностях коммуниста.

…Поздним вечером Рыбальченко и я отправились к Куникову.

Ночная темнота окутала приазовские плавни. Лохматясь желтым камышом, — сухим чаканом, раскинулось дикое займище. Вокруг все — словно вымерло — ни шороха, ни огонька, но со сторожевых катеров зорко следили за подступами к отряду. Заметив нашу лодку, моряки запросили, кто плывет. Мы ответили условным сигналом. Вскоре быстроходный катер взял нас на буксир и доставил в «Комитет донских гирл».

Дежурный по штабу встретил нас приветливо и сообщил, что командир отряда вскоре вернется. Ждать пришлось недолго. Послышался шум глиссера, и мы крепко пожали руку Цезаря Львовича. Глядя на меня, он — сказал:

— Смотрите, как обстоятельства меняют людей. Сразу и не узнать. Сапоги забредшие, шапка-ушанка… А что с семьей?

Я ответил: сын на другой же день после нашей встречи ушел добровольцем в армию. Жена с дочерью эвакуировались.

Цезарь Львович произнес:

— Я так и думал тогда, что Михаил не захочет оставаться в тылу.

Мы вошли в домик, куда вскоре собрались комиссар отряда, начальник штаба, командиры катеров. Куников сообщил, что он побывал в штабе флотилии.

— Враг озверело рвется к Ростову, — говорил он. — Ожесточенные бои идут в районе Чалтыря, Большекрепинской. Мы должны срывать наступление фашистов, действовать на фланге — в районе Синявки и Недвиговки. Командование 56-й Отдельной армии и нашей флотилии поставило перед отрядом и партизанами ответственную задачу: взрывать мосты, железнодорожное полотно, портить связь, наносить удары по

коммуникациям противника.

Мы подробно обсудили план совместных боевых действий наших отрядов. Я сообщил на совещании важные данные о противнике, полученные от подпольно-диверсионной разведывательной группы. Большая заслуга в сборе этих сведений принадлежала старым рыбакам, особенно Ивану Герасимовичу Евтушенко.

Конкретный план совместных боевых действий сводился к следующему. Группе партизан поручали взорвать железнодорожный мост у станции Синявка и тем лишить врага возможности вывести из-под удара многочисленные железнодорожные составы с военными грузами. Вторая группа (куниковцы и партизаны) должна ворваться в село, разгромить штаб немецкой танковой дивизии, уничтожить как можно больше танков врага, сосредоточенных в саду и во дворе правления колхоза. Надо также подойти на катерах по реке Мертвый Донец к станции Синявка и прямой наводкой из пушек расстрелять скопившиеся вражеские эшелоны с боевой техникой и снаряжением, доставленным из Таганрога.

Все тщательно продумано, взвешено, уточнено. Определены составы групп, их маршруты. Куников распорядился выдать партизанам два ящика взрывчатки, сто метров бикфордова шнура и, по возможности, больше гранат.

…В ночь на 2 ноября на берегу Мертвого Донца в буйных зарослях камыша замаскировались дозорные. Они оттуда хорошо просматривали станцию Синявка и шоссейную дорогу Таганрог — Ростов.

— Запоминай все, — говорил партизан-разведчик Александр Рымарь своему другу Ивану Ющенко. — «Записывай» в памяти, а больше — ни-ни! Выбрось карандаш!

Дозорные установили время смены часовых, засекли несколько пулеметных точек. К вечеру поднялся ветер, пошел мелкий дождь. Лежать на болотистой сырой земле стало холодно, по телу бойцов пробегала сильная дрожь.

Наконец все, что необходимо, разведано. Пора уходить. Но в это время вдали показался поезд. Он остановился на станции, и немцы приступили к разгрузке.

Сгустились сумерки. Не видно, что выносят из вагонов. Надо пробраться поближе к станции. Рымарь дал знак товарищу и пополз вперед по-пластунски. Ющенко замер в ожидании, сжав автомат, готовый в любую минуту прийти на помощь. Через некоторое время Рымарь возвратился, сообщил возбужденно:

— Вот, гады! Знаешь, что разгружают? Авиационные бомбы! Теперь давай поскорей назад.

…Низовой ветер бросал в лицо холодные капли дождя. Темнота — хоть глаз выколи. Дозорные шли, стараясь не сбиться с направления. Они осторожно ступали по густым стеблям трав, брели по воде. Их встретили часовые. Рымарь доложил командиру отряда, что из эшелона, прибывшего на станцию, выгружена лишь незначительная часть смертоносного груза, и состав переведен на запасный путь. Было ясно: ночью эшелон разгрузят.

Тотчас партизаны связались с моряками, уточнили план совместных действий с учетом новых данных о противнике. Вскоре командир партизанского отряда подал команду: отчалить.

Гребцы изо всех сил заработали веслами. Головной баркас врезался в ночную темноту, скользнул на стремнину реки. Через два часа партизаны причалили к берегу. Тихо подана команда:

— Разгружаться!

Подрывники вынесли на берег ящики со взрывчаткой. Рядом глухо шумели камыши. Неподалеку высится громада железнодорожного моста. Где-то вдали прозвучал выстрел. Послышался лай собаки, и снова — сторожкая тишина. Партизаны шли в затылок друг другу, часто менялись у тяжелых ящиков.

Надо снять часового у моста. На это задание командир послал Александра Рымаря и Ивана Ющенко. Они еще в дозоре хорошо разведали местность.

Вот и небольшой бугор. Отсюда до часового — метров сто. Иван залег, вставил запал в гранату, вскинул автомат. Александр бесшумно пополз вперед. Вскоре он наткнулся на едва заметный земляной выступ. За ним показался ход сообщения. Партизан опустился на дно траншеи и начал подбираться к посту. По его расчетам до часового оставалось еще немало 56 метров, когда перед ним выросла фигура коренастого немца. Встреча настолько была неожиданной, что оба на мгновение оцепенели.

Рымарь ударил часового автоматом по голове. Тот покачнулся, но не упал. Фашист ухватился за автомат и вырвал его у Рымаря. В узкой траншее завязалась рукопашная схватка. Дрались молча. Молодой партизан не решался позвать товарища на помощь, боясь привлечь внимание немецкого караула. Фашисту удалось свалить Рымаря, но Александр выхватил из-за голенища сапога финский нож и всадил в гитлеровца. Убедившись, что часовой мертв, партизан выполз из траншеи. На краю уступа его ждал Ющенко.

— Что с тобой? — испуганно спросил Иван, глядя на окровавленную телогрейку друга.

— Потом, потом. А сейчас скорей к своим!

Вернувшись, Рымарь доложил командиру отряда:

— Все в порядке!

…До боли в глазах всматриваются партизаны в темноту ночи. Минуты кажутся часами. Растет тревога: почему нет товарищей, посланных к железной дороге? Оказалось, они потеряли ориентировку, с трудом нашли дорогу, прежде чем заминировали мост и железнодорожное полотно.

В темноте блеснул маленький синеватый огонек и мгновенно погас. И опять — черная пустота ночи да посвист порывистого студеного ветра. Проходит минута томительного ожидания — и словно вздрогнула земля. На какой-то миг все вокруг осветилось, раздался грохот.

— Наконец-то! — радостно воскликнул подрывник. — Шнур не рассчитали, слишком длинным оказался.

Второй взрыв оказался сильнее первого: словно гром прокатился по лугам и займищам.

— Теперь быстрее назад, — распорядился Рыбальченко.

Партизаны поспешно сели в баркасы.

— Греби, греби сильней! — приказал командир.

Дом, в котором великий русский ученый А. С. Попов в 1901 г. принимал первую радиопередачу, в 1941–1942 гг. был базой партизанского отряда «Отважный-1» и моряков Азовской военной флотилии, где составлялись планы совместной борьбы с врагом.

Яркий луч прожектора зашарил по камышам. Наугад застрочил немецкий пулемет. Партизаны налегли на весла. За кормой плескались холодные волны, их рассекали острые носы лодок. На переднем баркасе за рулем — командир. Он умело маневрирует. Его маневры повторяют на других баркасах. Вскоре лодки надежно скрылись в густых зарослях камыша. Луч

вражеского прожектора в последний раз пробежал по реке, ощупывая пустынные островки приазовских плавней, пометался и погас…

…Село Синявку, где расположился штаб эсэсовской танковой дивизии «Адольф Гитлер», немцы усиленно охраняли. Подходы со стороны Мертвого Донца после налета партизан были заминированы. Все это тщательно разведали подпольщики-комсомольцы и старые рыбаки.

Полицаи зорко присматривались к седовласым рыбакам, которые целыми днями нехотя возились на берегу, ремонтируя ветхие каюки и худые сети. Иной раз рыбаки появлялись в полицейском управлении, а то и в немецкой комендатуре. Обычно они просили помочь им материалами для ремонта, а чаще приходили за разрешением побывать у дружков в соседних поселениях — Морском Чулеке или Мержаново, якобы за недостающей снастью. В близлежащие хутора рыбаки стремились по важной причине — они поддерживали связи с подпольщиками.

Когда были собраны все нужные сведения о враге, встала задача — побыстрее сообщить данные разведки партизанам. Решили послать в отряд девушек, подпольщиц-комсомолок Тосю Аникееву и Фету Константинову. Но выяснилось, что отряд перебазировался в более потайное место, и нужен человек, знающий плавни, как свое подворье. Тогда вызвался пойти на связь старик Евтушенко. Смущало одно: полицаи неотступно следили за рыбаками, и отлучка Ивана Герасимовича на день-два могла вызвать у них подозрение.

Подпольщики придумали, как обмануть полицаев. Старик Демьян Кириченко отправился в управу просить врача якобы к тифозной больной в доме рыбака Евтушенко. Старика выгнали из управы, однако о его просьбе стало известно немецкому коменданту. Врача к Евтушенко комендант тоже не послал, но часть улицы, на которой жил старый рыбак, была переведена на карантийный режим. У дома рыбака появилась дощечка с надписью на русском и немецком языках: «Осторожно, тиф». На всякий случай, все это время на кровати Ивана Герасимовича лежала его престарелая мать, укутанная одеялами: она прикинулась тифознобольной.

Евтушенко благополучно добрался до базы партизанского отряда и передал важные сведения о враге. Вернуться в станицу ему не пришлось. Морякам требовался опытный проводник в плавнях, а Иван Герасимович знал здешние места, как никто другой. Он охотно согласился стать проводником моряков в совместном нападении двух отрядов на вражеский гарнизон, расположенный в Синявке.

В темную, непроглядную ночь с его помощью катера на тихом ходу шли по заданному курсу. Старый рыбак, ориентируясь чуть ли не на каждый куст прибрежного тальника, по мелководью реки Терновой умело провел суда к условленному месту. С катеров бойцы перешли на лодки, заранее приготовленные подпольщиками, незаметно для врага пересекли Мертвый Донец — там, где немцы не ожидали нападения…

Под руководством партизан — жителей Синявки бойцы бесшумно задами левад подобрались поближе к штабу дивизии, затаились в сарае у Евтушенко. Крепко сжимая в руках оружие, ждали сигнала — взрыва моста. Ждали моряки-куниковцы, ждали партизаны с нетерпением, в той нервной приподнятости, которая хорошо знакома фронтовикам, ходившим в атаки.

Яркая вспышка осветила небо. Это в западной части села, со стороны Таганрога, взлетел на воздух железнодорожный мост, взорванный партизанами. Под грозное эхо взрыва застрочили наши автоматы и ручные пулеметы, в захватчиков полетели гранаты, брошенные уверенной рукой. В селе действовали всего пять трупп общей численностью семьдесят пять человек, а фашистам казалось, что на них внезапно напала чуть ли не дивизия русских.

Запылал дом, где помещался немецкий штаб, взрывались машины с боеприпасами, слышались крики «хальт» и беспорядочная стрельба из немецких автоматов. Во дворе правления колхоза стояла колонна танков, замаскированная ветками. Комсомольцы-подпольщики провели туда партизан, и те вывели машины из строя.

Когда мост взлетел на воздух, Куников с восемью боевыми катерами подошел по Мертвому Донцу к станции. Стреляя прямой наводкой, моряки метким пушечным огнем уничтожили железнодорожные вагоны с боевой техникой и снаряжением. Противник, несколько оправившись от замешательства, пытался потопить катера, но безуспешно.

Время уже близилось к утру, а народные мстители продолжали уничтожать фашистов, их боевую технику.

В небо взметнулись одна за другой красная и зеленая ракеты. Это сигнал к отходу. На реке Широкой бойцы действовавшие в районе села, погрузились на катера.

Предутренний туман окутал приазовские плавни. Моряки и партизаны причалили лодки и катера у Толченникова сада. Цезарь Львович прибыл туда раньше. В стеганке, шапке-ушанке, с автоматом через плечо и биноклем на шее, он прохаживался по грядине. Увидев нас, поспешил навстречу.

— Все благополучно! — доложил ему Рыбальченко. —

Задание выполнено. Потерь нет…

На базе начальник штаба отряда составил сводку-донесение в штаб Азовской военной флотилии о проведенной операции. В донесении командование отряда с похвалой отзывалось о действиях моряков и партизан, отмечало их смелость и находчивость. В беседе со мной Куников говорил с восхищением:

— Прибыл к нам в отряд Евтушенко усталый, измученный. Предложил я ему отдохнуть, так куда там! Рассказал, как удалось обмануть немцев. Сметливые в Синявке живут старики.

Вскоре мы распрощались.

На боевую операцию.

К утру похолодало, у берегов поблескивал ледок. Через двое суток движение по Дону на лодках и катерах прекратилось, реку сковало льдом.

После ночного боя, отдохнув, партизаны в свободное время делились впечатлениями. Особенно запомнился мне рассказ любимца отряда Вани Ющенко. Сдобренный народным юмором, рассказ молодого партизана я привожу в том виде, в каком записал его в ту пору. Я тогда подумал: крепок же дух наших бойцов, если они способны шутить в дни грозных испытаний!

«Иду впереди группы, — рассказывал Ющенко товарищам. — Ночь, хоть глаз выколи. Немцы ракеты пускают. Как погаснет ракета, в глазах еще темней. Идем, как по горячей сковородке. Знаем, что враг заминировал займище и северный берег Мертвого Донца. У каждого одно на уме — скорей пройти это коварное место. Идем тихо, след в след. Миновали займище, перешли железную дорогу, речку Заброд. Начались огороды колхозников.

Места свои, знакомые. Одного опасаюсь: напороться на мину.

Ползем по огороду Ивана Топилы, а я и зацепись штаниной за кол, вбитый в землю. Наверное, бабка Топилиха к тому колу свинью привязывала. Меня в пот бросило. Почудилось, кто-то за ногу схватил и держит. Слышу, сзади наш старшой, Михаил Антонович Носачев, шепотом ворчит: „Чего, черт длинный, возишься на месте? Всю группу остановил".

Я сразу пришел в себя. Как дерну ногой, аж штанина затрещала. Пробираемся дальше. С детства мне тут все закоулки знакомы. Вот и школьный двор, условленное место, откуда в бой идти. Гляжу — впереди немец. Присел вражина на углу переулка, у самого сада Максима Павленко, и глядит в нашу сторону.

Вот, думаю, влипли. Напоролись на немецкую заставу. Я потихоньку оборачиваюсь к Антоновичу, шепчу ему, что немец нас вроде бы не заметил.

— Если это так, — говорит старший группы, — надо его убрать без шума. Придется выполнить эту задачу тебе, потому как другие товарищи нагружены минами и гранатами. Ты не робей, говорит, всей группой прикрывать будем.

— Если доверяешь, — отвечаю ему, — буду выполнять.

А у самого мурашки по телу пошли. С непривычки.

Пополз я. Прижимаюсь к земле, словно ящерица. Немец, оказывается, спиной ко мне сидит и вроде бы винтовку держит. Хватил я того немца финкой, а от него искры посыпались, лезвие — пополам. Пригляделся — да то же каменная баба, сколько лет она стоит на углу! А поставил ее Максим, чтобы мужики возами за угол его сарая не цеплялись. Вот кого я за немецкого часового принял.

Быстро — к своим, а сам соображаю, что оказать. Стыдно ведь. Сказал, конечно, правду. Антонович еще пуще прежнего выругал меня, потому как задержка снова произошла. „Ну, — говорит, — в другой раз не оплошай, а за правду — спасибо".

Пробрались мы в ограду церкви. Оттуда до немецких танков — с десяток метров. Разорвались у машин две первые гранаты. На могиле, за которой я лежал, крест покосило. И тут с меня страх как рукой сняло. Чего это я, думаю, за могилу спрятался, когда товарищи гранатами действуют? Вскочил — да к ограде ближе. Метнул гранату в колхозный сад. А Антонович мне кричит: „Куда бросаешь? Там без тебя уже поработали. Метай в сторону правления колхоза. Там ще не тронуто". Метнул я гранату, да мимо. Потом, правда, получилось хорошо…

Слушатели добродушно посмеиваются.

— Тебе, Ваня, — говорил партизан Заговельев, — в боевом крещении повезло, словно деду Щукарю.

— Не смейтесь, братцы, — отозвался боец Афанасьев. — В первый раз человек воюет. Всякое с непривычки могло случиться. Мы вон в тумане тоже промашку дали — мост-то поначалу не обнаружили, когда в разведку ходили. Главное, не растеряться, на ходу ошибку исправить…»

Разведчики

В тихий предутренний час, когда туман окутал плавни, часовые особенно зорко следили за подступами к партизанской стоянке. Со сторожевого поста поступило сообщение: «Замечен человек. Скрытно пробирается в сторону отряда».

Усилили наблюдение, послали бойцов с ручными пулеметами, действовали осторожно. Если это немецкий разведчик, решили взять живым.

Вскоре вблизи стоянки послышался оживленный разговор. Присмотрелись. Оказывается, это Ваня Ющенко, идя под руку с разведчицей Тосей Аникеевой, что-то говорил ей и смеялся. Тося посмеивалась в ответ. Навстречу им поспешил Леня Сидоренко.

— Чего хохочете, черти! На вечеринке, что ли? — Он крепко пожал руку девушки. — Ты прости, что так невежливо встретил. Фашисты услышат — беда!

Партизаны окружили разведчицу плотным кольцом, жадно слушали, что она рассказывала.

— Прошлой ночью, — говорила Аникеева, — получила я задание от подпольной группы и отправилась к вам в отряд. Иван Герасимович рассказал мне подробно, как пройти.

Места эти были Тосе знакомы, не один год женская бригада ловила рыбу на реке Средней. Окрестные ерики и протоки она тоже хорошо знала. Но на пути в отряд все же случилась с ней беда: переходя речку Татарскую по тонкому льду, провалилась в воду. На счастье, подоспел свой человек — Петро Бондура. Он

привел девушку в хату, где ее переодели, обсушили, напоили чаем.

Тося Аникеева

В записке, доставленной Аникеевой, сообщалось:

«После огневого налета партизан враг лютует. Комендант Ганс Шустер сообщил своему начальству, что в ночь на 2 ноября на немецкие части совершен налет моряков и партизан со стороны Азовского моря и приазовских плавней численностью до четырех-пяти тысяч при большом вооружении. Налет был настолько неожиданным, что сторожевое охранение и гарнизон не успели принять боевого порядка… Во время налета уничтожено девять танков и серьезно повреждены пять. На перегоне между станциями Синявка — Приморка взорван железнодорожный мост. На станции Синявка сгорело двадцать пять вагонов с боеприпасами, пострадало от огня инженерное оборудование и материалы для строительства оборонительных укреплений. Сгорел дом, где помещался штаб танковой дивизии».

…Аникеева рассказала о зверствах, чинимых фашистскими варварами и их приспешниками. Наутро после налета полицаи и немецкие автоматчики согнали на базарную площадь стариков и женщин, потребовали выдачи соучастников партизан. Они объявили, что в случае отказа каждый десятый будет расстрелян.

Несмотря на угрозы, в толпе все молчали. Тогда комендант приказал выделить пятьдесят заложников и посадить в подвал. Гестаповцы объявили, что если повторятся диверсии, все

население села будет уничтожено.

Объявлен приказ: хождение по улицам разрешается только с 8 часов утра до 4 часов дня. Переход в соседние села — Морской Чулек, Недвиговку — возможен только с разрешения коменданта. За нарушение приказа — расстрел.

В подвале здания, где раньше помещался сельский Совет, гестаповцы устроили тюрьму. Жители, арестованные по подозрению в связях с партизанами, подвергались жестоким пыткам. За полотном железной дороги, неподалеку от взорванного моста, каждую ночь их расстреливали. Погибли товарищи из подпольно-диверсионной группы: Анна Дьячкова, Иван Гусенко, Яков Архипенко, Василий Ткаченко. За эти дни расстреляно двадцать пять человек…

О многом рассказала нам смелая разведчица. Ей надо было возвращаться, но неожиданно резко изменилась погода: подул сильный ветер, начался снегопад, вскоре образовались переметы — снежные заносы. Девушке пришлось задержаться у партизан.

Длительное отсутствие Аникеевой встревожило подпольщиков. Они решили направить в отряд второго связного, дополнив донесение свежими сведениями о противнике. Выполнить нелегкую задачу в зимнюю вьюгу мог только один человек — Иван Герасимович Евтушенко. Старик охотно согласился.

Оставалось снова обставить полицаев и станичного атамана Зубкова, не случайно прозванного «хищником». В годы гражданской войны уроженец Синявки Павел Зубков добровольно вступил в белогвардейскую армию Деникина. Когда на. Дону установилась Советская власть, он вернулся в свой дом, прикинулся честным тружеником. А при немцах с плетью в руке расхаживал по станице, зверски лютовал.

Как ни хитрил Зубков, а подпольщикам удалось перехитрить его. Он поверил, что мать Ивана Герасимовича умерла от тифа, и отпустил рыбака на три дня — справить похороны.

Евтушенко тотчас собрался в дорогу. В сумке с едой лежал узелок с яблоками — подарок от старика садовника из Самбека Цезарю Львовичу Куникову.

В ту же ночь Иван Герасимович отправился в опасный путь. В белом маскировочном халате он переполз Мертвый Донец, обманув бдительность вражеских патрулей. Зарослями, потайными трапами добрался до хутора Мельниково, к Петру Бондуре. Узнав от него, что с Тосей Аникеевой, по-видимому, беды не приключилось, старик просиял. Только дожидаться утра не стал и поспешил в отряд.

Неожиданное появление Евтушенко вызвало в отряде и

радость и тревогу. Старик явился на партизанскую базу, минуя наши посты. Он пришел старой тропой, неведомой партизанам. При встрече со мной и командиром Иван Герасимович не удержался от упрека:

— А охрана базы у вас хромает, так и немцы могут накрыть.

Мы поблагодарили старика за дельное замечание, попросили дать совет, где выставить дополнительные посты.

Евтушенко сообщил нам важные сведения. В последние дни фашисты выстроили более сотни блиндажей вдоль железной дороги между станциями Мартыново и Синявка, с амбразурами в сторону плавней, установили в них пулеметы. По ту сторону Мертвого Донца подступы к станции Синявка заминировали. Эту работу выполняло согнанное полицаями население хуторов — старики и женщины.

— Но и наши люди не дремлют, — с этими словами Иван Герасимович передал командиру отряда карту-схему, составленную умелой рукой. На ней комсомольцы-подпольщики обозначили заминированные участки, огневые точки.

Близился рассвет. Бесновался низовой ветер, мокрый снег залепливал окна. В хате стало холодно. Дневальный, молодой партизан Мовцесов, подбрасывал в печь сырые тополевые дрова. От них больше дыма, чем тепла. Дневальный принес в ведре машинного масла, плеснул на огонь. Пламя вырвалось в трубу. Вскоре в хату вошел боец с автоматом, сердито зашептал дневальному:

— Ты что делаешь? На километр огонь из трубы виден…

Иван Герасимович лежал на топчане рядом со мной. Он снял лишь сапоги, как и все партизаны. Портянки обмотал вокруг сапог. Пояснил:

— В ночное время бойцы должны быть готовы по сигналу тревоги тотчас встать в строй. Сушить портянки рекомендую до отбоя.

Я с ним согласился.

Старик проснулся ранним утром, раньше его поднялась Тося Аникеева. Под ее руководством на базе наведена казарменная чистота. Она успела постирать бойцам белье, хорошенько пожурила комсомольцев за небрежность. Теперь не видно небритых, к гимнастеркам у всех партизан подшиты белоснежные подворотнички. На кухне — строгий порядок, чисто вымытая посуда аккуратно расставлена на полках.

Иван Герасимович смотрел, как Тося ловко латала чью-то сорочку, и с одобрением кивал головой. После завтрака старый рыбак спросил у командира отряда:

— А что, Прокофьевич, трудновато попасть к морячкам? Где

они сейчас? Душевный человек — их командир. Крепко запомнился он мне с тех пор, как я проводником на переднем катере дорогу указывал. Ласковый такой, ну, ровно сын родной! Моряки в нем души не чают.

Нам с командиром требовалось побывать в штабе отряда, но опасались пути по молодому льду. Когда я сказал об этом Ивану Герасимовичу, он заверил:

— Доверьтесь мне. Проведу так, что и ног не замочите.

Четвертым с нами пошел завхоз Куринков. Петр Федорович надеялся раздобыть у моряков взрывчатки, в которой партизаны все больше нуждались.

С наступлением темноты мы отправились в путь. Евтушенко, на всякий случай, прихватил веревку, а Куринков — тонкую трехметровую доску. Ни веревка, ни доска не понадобились. Старый рыбак, зная перекаты на мелководье, благополучно перевел нас по льду.

Когда мы подходили к островку «Комитета донских гирл», Иван Герасимович попытался провести нас тайной тропой, известной, по его словам, только немногим ловким браконьерам да ему. Но не тут-то было: на расстоянии двух километров от штаба нас встретили две овчарки. Этих собак, по кличкам Бене и Нелька, мы знали раньше.

После эвакуации лоцпоста собак оставили на островке охранять невывезенное имущество. Куринков бывал здесь, привозил собакам хлеба, но сейчас овчарки бросались на нас до тех пор, пока мы не легли на снег.

— Проклятые псы, — ругался завхоз.

На помощь к нам подоспел часовой-матрос. Он окликнул собак и пояснил, что овчарки помогают морякам зорко оберегать подступы к островку. Часовой условным сигналом вызвал начальника караула. Нас проводили в штаб.

Встреча с Куликовым и другими офицерами была радостной. Иван Герасимович попал в объятия Цезаря Львовича. Старик от волнения прослезился. С некоторой торжественностью он преподнес командиру моряков узелок с яблоками.

— Это вам от садовника Прохора из села Самбек, — пояснил он. — Того самого, который бригадиром в колхозе. Вы осенью с ним беседу имели. А мне Прохор сватом доводится. Яблочки моя старуха во всем аккурате сберегла, А это вот, — продолжал Евтушенко, достав из мешка баночку икры, — от старых рыбаков. Заставляет нас станичный атаман рыбалить на немцев, но подавятся они, проклятые, сазаньей костью. А для партизан и моряков рыбка у нас всегда найдется. Жаль, что не смог прихватить севрюжки да осетра.

Куников в ответ крепко пожал старику руки и сказал, улыбаясь:

— А мы вас угостим самодеятельным концертом.

Цезарь Львович удивился, как мы сумели перебраться через Дон.

— Такая задача для бывалых рыбаков по силам, — отвечал ему Иван Герасимович. — Зато неприметно на остров пройти даже мне не удалось. Пришлось приземляться.

И он в шутливой форме рассказал про нашу встречу с собаками. Куников слушал и смеялся.

В штабе, где мы беседовали, собрались команды катеров и матросы, свободные от службы. Старика попросили подробнее рассказать о гитлеровцах.

Одна из разведчиц партизанского отряда Ф. Константинова

Иван Герасимович сообщил, что немцы похваляются, будто в ночном бою сразили до 200 моряков и уничтожили всех партизан. А сами, как огня, боятся новых неожиданных налетов со стороны займища. В прибрежной полосе день и ночь разъезжают по дорогам танкетки: немецкие подвижные дозоры высматривают партизан.

Подпольщик Иван Штепа оказался в группе жителей станицы, которых гитлеровцы мобилизовали на расчистку станционных

путей после нападения народных мстителей. Когда группа приблизилась к месту, откуда хорошо видны займища, атаман и полицейские строго предупредили, чтобы никто не смел даже смотреть в ту сторону. Штепа не удержался, посмотрел, тотчас немец огрел его плетью.

Подпольщик пожал плечами и спросил:

— Почему же нельзя смотреть? Ведь партизанам капут?

В ответ фашист так ударил Штепу прикладом в спину, что тот еле устоял на ногах.

Иван Герасимович убежденно заявил, что не только подпольщики — все население станицы не верит фашистской брехне. Страшатся возмездия предатели, гитлеровские холуи.

На строительстве оборонительных сооружений.

Был такой случай. В ночное время атаману Зубкову почудилось, будто партизаны ломятся к нему в окно. Он схватил автомат и дал очередь. Прибежала охрана. Выяснилось, что телок отвязался и почесал спину о ставню.

В заключение рассказа Иван Герасимович рассказал, что захватчики вынуждены оборудовать для своих вояк новое кладбище и крестов на нем прибавлялось с каждым днем. Видать, крепко немцам доставалось под Ростовом. А комендант все больше зверел. Только и слышно было: «Расстреляю! Уничтожу!..»

После товарищеского ужина моряки дружно пели песни. Начальник штаба аккомпанировал им на пианино. Вот они запели

свою, фронтовую:

Тяжелой походкой, за ротою рота,
Выходит за город морская пехота.
К потертым бушлатам пришиты петлицы.
Широкие плечи. Суровые лица…

Иван Герасимович наклонился ко мне, шептал:
— Грозная песня.
А хор продолжал петь:

…Как ветер морской и волна штормовая.
И, может быть, шуму знакомому рада,
Вступает в сраженье морская бригада.
Мелькают бушлаты в зеленом просторе.
— За Черное море!
— За русское горе!
— В атаку! Полундра!
Душа нараспашку —
Дерется братва в полосатых тельняшках…

Вместе со всеми пели командир и комиссар. Пела большая дружная семья фронтовиков.

Наступило время возвращаться нам на базу. В ленинской комнате остался только командный состав. Куников знакомил нас с боевой обстановкой. Враг стремился любой ценой прорваться к Ростову. Перед отрядами моряков и партизан поставлена общая задача — усилить разведку, быть готовыми к новым активным действиям.

Перед расставанием Цезарь Львович распорядился подкрепить партизан боеприпасами. Мы отправились в отряд в бодром настроении, с мыслями о предстоящей борьбе с ненавистным врагом.

Ростовская операция

Глубокая осень 1941 года… После четырехнедельных боев на подступах к Ростову-на-Дону, где захватчики оставили более двухсот танков, 19 ноября они все-таки прорвались на северную окраину города, попытались захватить переправу через Дон в районе Аксая — не удалось. Тогда они направили удар в центр Ростова. Наши войска отошли на левый берег.

В городе, окутанном дымом пожаров, гитлеровцы грабили, убивали, насиловали. «Кровавой неделей» назвали эти дни ростовчане.

Из Ростова гитлеровское командование намеревалось осуществить поход на юг, завладеть нефтью Майкопа и Грозного, пробиться к Баку. Однако командование советских войск заблаговременно подготовилось к контрнаступлению. На дальних подступах к Ростову формировались и готовились к наступлению хорошо оснащенные соединения и части, которые затем были подтянуты к линии фронта и перешли в наступление.

Советские войска, приблизившись к рубежам у реки Тузлова, создали угрозу флангу и тылу немецких войск, захвативших Ростов. Главная сила врага — 1-я танковая армия перешла к обороне.

В это время моряки и партизаны разведывали силы противника, днем и ночью занимались боевой подготовкой. С нетерпением ждали приказа вступить в бой.

25 ноября командира отряда и меня пригласили в штаб к Куникову по срочному делу. Отправились мы ночью. Наш путь

пролегал больше по займищу. В беззвездном небе гудели самолеты. Со стороны Ростова не смолкала артиллерийская канонада. С берега, занятого врагам, в направлении плавней время от времени взлетали ракеты. Они освещали темное небо, ледяную гладь Дона, протоков и ериков.

Моряки встретили нас, по обыкновению, радушно. Куников подробно рассказал о боевой обстановке на нашем участке фронта. По сведениям разведки железнодорожный мост у станции Синявка, взорванный партизанами, восстановлен. Станция по-прежнему имела большое значение для врага. Из Таганрога сюда прибывали эшелоны с военным снаряжением. После внезапного нападения партизан и моряков станция усиленно охранялась. Камышитовый завод противник превратил в главный опорный пункт обороны.

Куниковцам и партизанам поручалось нанести удар по оборонявшимся фашистским частям с фланга в районе Синявки. Одновременно с контрнаступлением советских войск на Ростовском участке фронта морякам предстояло разгромить ту часть гарнизона, которая охраняла станцию, подорвать железнодорожное полотно в направлении Таганрога, чтобы гитлеровцы не смогли увезти эшелоны с боевой техникой. Партизаны должны были наносить фашистам удар с фланга, с западной стороны села в районе камышитового завода, и оседлать дорогу из Ростова на Таганрог.

Со станции, расположенной на возвышенном месте, хорошо просматривались и простреливались донские займища. Все подходы к ней, по данным разведки, враг заминировал. Лед на реке еще не окреп.

Начальник штаба развернул карту и рядом положил карту-схему, составленную разведчиками-партизанами. Он быстро перенес на свою карту сведения о вражеских огневых точках и минных полях, расположенных вдоль железной дороги. Особо выделил маршрут движения через два с лишним десятка гирл и ериков, предложенный нами.

Главным подходом к станции являлось русло Мертвого Донца. Мы с Рыбальченко предупредили моряков, что лед на реке замерзает плохо, даже в сильные морозы кое-где остаются полыньи. Причина тому — подпочвенные теплые родники. Куников попросил выделить в отряд людей, хорошо знающих каверзные места.

Наконец решены все вопросы, связанные с предстоящей боевой, операцией. Цезарь Львович предложил посмотреть, как в отряде готовятся к нападению на синявский гарнизон.

Невдалеке от штаба в наскоро приспособленной мастерской

кипела напряженная работа. Моряки сняли с боевых катеров вооружение и установили его на рыбачьих санях. Куников сам разработал удобные крепления для пулеметов, минометов и руководил установкой оружия.

— Вот бы приспособить к саням еще и пушку, — предложил кто-то.

— А ведь это мысль, — подхватил Цезарь. Львович. — Жаль времени в обрез, а то бы можно испытать наши малокалиберные пушки.

Начинало светать. Командиры приступили к занятиям. По глубокому снегу, в маскировочных халатах, матросы рассыпались в цепь, повели наступление. Они готовились к боевым действиям на льду и на суше днем и ночью, в любую погоду.

…27 ноября после перегруппировки сил наши войска перешли в наступление. 56-я Отдельная армия нанесла удар по врагу с трех направлений. Под натиском наступающих противник, спасаясь от окружения, вынужден был отходить.

На следующий день с наступлением темноты куниковцы и партизаны выступили в поход. Предстояло преодолеть многие километры по молодому льду, который еще не везде выдерживал тяжести пешехода.

Бойцы шли осторожно, минуя полыньи. Не обошлось без происшествий. Несколько раз неглубоко проваливались сани с пулеметами или боеприпасами, но их быстро вытаскивали с помощью заранее приготовленных канатов и досок.

Пошел снег, с каждой минутой усиливался низовой ветер. Нам повезло. Едва ли немцы ожидали нашего нападения со стороны плавней в такую погоду да еще по неокрепшему льду. Ни трудный путь, ни предстоящий бой с сильным противником — ничто не могло повлиять на радостное настроение бойцов и командиров обоих отрядов. Мысль о том, что советские войска штурмуют Ростов, умножала их силы.

Вблизи Синявки в небе почти непрерывно висели немецкие осветительные ракеты. Но моряки и партизаны замаскировались: надели белые халаты, сани и вооружение прикрыли пучками камыша.

К полуночи мы достигли исходного рубежа неподалеку от станционной водокачки. Отсюда до вокзала — не больше километра. Но прежде чем действовать, требовалось узнать точное расположение минных полей и постов. По данным разведки, водонапорную башню круглосуточно охраняли часовые. Куников решил, что здесь легче всего бесшумно захватить «языка».

Через минуту группа моряков и партизан ползла, укрываясь

прибрежной кручей, к посту. Разведчики действовали ловко и стремительно. Гитлеровский часовой даже не вскрикнул, как в рот ему вставили кляп. Двух немцев в сторожке, успевших схватить оружие, пришлось прикончить.

Пленный оказался румыном. Он немного знал русский язык. Когда солдату объяснили, что от него требуется, он торопливо рассказал обо всем — и о минных полях, и о расположении постов в районе станции.

Моряки угостили пленного табаком, Куников налил ему стопку водки, дал бутерброд. Румын растрогался, заплакал и стал уверять, что воюет не по доброй воле. От него потребовали, чтобы он провел наши боевые группы безопасным путем. Солдат согласился без колебаний.

Боевые группы заняли исходные позиции. В ожидании сигнала моряки прислушивались к отрывистым командам на чужом языке, которые доносились со стороны станции. В едва освещенных местах, мелькали фигуры гитлеровцев, к станционным путям, одна за другой подходили автомашины. Шла разгрузка вагонов.

Партизаны изготовились к штурму опорного пункта врага — камышитового завода. Хорошо зная местность, они умело использовали скрытые подступы, складки Крутой балки.

Взметнулись в ночное небо красные ракеты — сигнал к бою. Тишину разорвали автоматные и пулеметные очереди. Бой разгорался стремительно. Куниковцы громили немецкий гарнизон на станции, партизаны атаковали опорный пункт врага — камышитовый завод. Этот укрепленный пункт надо было занять любой ценой — недалеко проходила автомобильная дорога Ростов — Таганрог.

Партизаны, укрываясь в складках местности, обошли огневые точки противника с тыла. Заводские постройки остались позади. Внезапная атака партизан одновременно с нескольких направлений завершилась успешно. Сопротивление врага было сломлено, лишь с чердака каменного здания продолжал строчить пулемет. Александр Рымарь, Иван Ющенко и Леонид Сидоренко, действуя смело и осмотрительно, подобрались к пулеметному расчету и уничтожили его.

На рассвете станцию Синявка и камышитовый завод заняли боевые группы. Не теряя ни минуты, они продолжали выполнять задачу, поставленную командованием 56-й Отдельной армии и Азовской военной флотилии.

На следующий день в сводке Совинформбюро сообщалось: «В ночь на 29 ноября, когда войска 56-й армии штурмовали Ростов, подразделение морской пехоты под командованием Куникова во

взаимодействии с партизанами ворвалось в село Синявку и заняло железнодорожную станцию, разрушило полотно железной дороги, телеграфную связь, оседлало шоссейную дорогу Ростов — Таганрог».

Трудно передать словами то сложное чувство, которое охватило бойцов, когда они победителями входили в родное село. Навстречу своим освободителям, партизанам и морякам, спешили со слезами радости на глазах женщины и старики. За небольшой срок подлого хозяйничанья фашистские варвары причинили много горя мирному населению: полностью сожгли Примерку, Некрасовку, разрушили многие дома Синявки, Морского Чулека. Больше шести тысяч стариков, женщин и детей остались без крова….

Нахмурившись, смотрели бойцы на закопченные трубы, обгорелые стропила. В кюветах лежали трупы немецких солдат, припорошенные снегом. Их настигло возмездие на месте совершенных преступлений. В улицах и переулках неподвижно стояли грузовые автомашины фашистов — красноречивое свидетельство панического отступления врага.

На следующий день партизаны и моряки, получившие короткий отдых после тяжелого боя, помогали жителям села, пострадавшим от захватчиков. Я зашел к односельчанину, другу детства моего отца, — Петру Белоусову. Старик сидел у стены сожженной хаты и тупо смотрел перед собой. Неподалеку валялась окровавленная шкура убитой фашистами коровы. Из погреба доносился приглушенный плач жены старика.

— Смотри, Пахомыч, — говорил мне старый рыбак, — на фашистский «порядок». Все разорили дотла. Вон куча пепла — это мои сожженные сети. Не хотел я рыбалить на вражью свору. Так мне на старости лет и плетей всыпали, еле жив остался, и сети сожгли. Да что говорить, в каждом дворе горе…

Помолчал. Потом Белоусов заговорил снова, в его голосе зазвучали бодрые нотки:

— Как ни лютует враг, а не сломить ему советский народ! Проучили их, собак бешеных, под Ростовом. Да и у нас в селе добре им досталось. — Немного повеселев, он добавил: — Скажу тебе, не все, гады, сожгли, не до всего дознались. Запасные сети вон в том углу прикопаны. Скоро позовете на рыбалку?

— Скоро, — ответил я.

Население станиц и городов, воины Красной Армии потом с благодарностью принимали подарки от рыбаков…

Контрнаступление Красной Армии под Ростовом сорвало план врага прорваться на Кавказ. Части Южного фронта сковывали крупные силы противника в самый напряженный

период битвы под Москвой. Враг, понеся потери, отступил от Ростова на шестьдесят-восемьдесят километров.

После ноябрьских боев на фронте установилось относительное спокойствие. В те дни, мы вновь повстречались с Куниковым. Для всех нас бои под Ростовом и Таганрогом явились своеобразным учением. Мы смогли во многом изучить повадки противника, его тактические приемы, моральное состояние. При встрече Цезарь Львович познакомил меня с письмом к другу. В письме он как бы подводил итог нашей общей борьбы с захватчиками.

«Вот уже три месяца, — говорилось в письме, — как находимся почти в непрерывных боевых операциях. — Писать тебе, рассказывать о них весьма трудно. Это — когда-нибудь позже. А вообще имеют место все элементы для новелл и трагедий. Основные боевые действия ведем ночью. Было все: ночные походы в тыл противника, взрывы, поджоги, ледовые походы по нескольку суток без сна, тепла и горячей пищи. Фашисты — редкая сволочь. Истреблять их надо беспощадно. В каждом — зверь. Я видел в отбитом нами Ростове квартиры, население которых — старики, женщины, дети — целиком было расстреляно. Пепел сожженных стучит в наши сердца. Мы с каждым днем все более понимаем, что мы — армия мстителей.

События на ростовском фронте тебе уже известны из газет. Я участвовал в разгроме группы войск Клейста как командир сводного морского отряда. Были успехи, были неудачи. Но я счастлив, что дожил до дня, когда наши дивизии наконец получили приказ наступать и разгромили врага… Что долго говорить — все мои помыслы и интересы направлены на организацию истребления противника…

Во мне живет страстное желание видеть жизнь всепобеждающей, здоровой, красивой во всей ее полноте, осязать, ощущать покой, красоту природы, дышать чудесным запахом моря, земли… Я этого хочу так же упорно, бешено, свято, как победы над врагом, в которую верю, и она свершится. Желанное святое будущее завоюется в жестокой битве. Врага надо не только победить, его надо навсегда отучить воевать!»

Секретари обкома партии: Б. А. Двинский (слева), П. И. Александрюк

— Цезарь Львович, — сказал я, прочитав письмо. — У вас накопилось столько фронтовых наблюдений, такие интересные обобщения вы порой высказываете. Почему бы вам не выступить в газете, в журнале?

— Оно-то так, — ответил Куников. — И все же к обстоятельному выступлению в печати, к такому, чтобы каждая строка жгла сердце, я не готов. А если, к примеру, передать, каш скромный боевой опыт, так для этого я еще недостаточно овладел тактикой.

В ответе Цезаря Львовича не было и тени рисовки. Куников постоянно отличался высокой требовательностью к себе.

Наступившее затишье на фронте командир использовал для того, чтобы еще больше повысить боевую способность своего отряда. Он добивался от подчиненных высокого боевого мастерства, и сам непрерывно повышал знания, навыки. Цезарь Львович научился метко стрелять из снайперской винтовки, изучил системы пулеметов, которые находились на вооружении у моряков, умел вести огонь из миномета, из пушки, освоил вождение катеров и автомашин. Он умело применял в военном деле обширные инженерно-технические знания: и опыт и инженера — организатора, комсомольского вожака, советского журналиста.

— Основной вид боя для нас, — говорил однажды Цезарь Львович на служебном совещании командного состава, — неожиданный налет с применением всего нашего вооружения.

Задача такого налета — уничтожение переправ, плавучих средств противника. Это может быть также десант первого броска, нападение на вражеский гарнизон, скоротечный бой в полевых условиях и наконец диверсия. Люди должны уметь безупречно действовать днем и ночью, особенно ночью. Наши катера не имеют брони, поэтому должны обладать исключительной маневренностью. Задачи наши, как видите, большой сложности. Главное для отряда — использовать каждую передышку для напряженной боевой учебы.

И Куников настойчиво добивался, чтобы весь личный состав мастерски владел оружием и механизмами. Все знали подрывное дело. Все неустанно овладевали мастерством боевых действий. Овладевали, не жалея сил, занимались по 12 часов в сутки и больше. В случае необходимости водолазы в отряде научились заменять мотористов или пулеметчиков, а те, в свою очередь, любого товарища в экипаже катера. Экипажи стали водить катера по неизвестным местам на полной скорости. Водить не только днем, но и в ночной темноте.

Мы, партизаны, перенимали опыт моряков. По их примеру неутомимо учились громить сильного и коварного противника, которому удалось закрепиться на выгодных рубежах. Гитлеровцы создали линию обороны, которую назвали Миус-фронтом.

Моряки и партизаны постоянно находились в боевой готовности. Нередко по ночам звучал сигнал тревоги, и бойцы, уходили на выполнение боевых заданий.

Рядом с фронтом

…Как будто небольшой срок — сорок дней, а сколько зла причинили фашистские варвары за время хозяйничанья в селах и хуторах нашего Неклиновского района! Сожжено более семисот дворов колхозников и рабочих. Большинство общественных строений разрушено полностью, а уцелевшие школы, клубы и больница стояли без окон и дверей. Расстреляны, замучены в фашистских застенках семьдесят человек, многие за сочувствие партизанам. В Неклиновском районе были освобождены от немецко-фашистских захватчиков населенные пункты Синявка, Морской Чулек, Мержаново, Приморка, Некрасовка. В селе Синявке в наскоро отремонтированном помещении правления рыболовецкого колхоза разместился сельский Совет. Обязанности председателя Совета по совместительству исполнял командир партизанского отряда Николай Прокофьевич Рыбальченко.

В начале декабря стояли суровые морозы, то и дело поднимались снежные метели. Несмотря на лютый холод, с утра до поздней ночи в сельский Совет шли женщины, старики. Они изливали председателю свое горе, рассказывали о муках, перенесенных во время оккупации села фашистами. Одни просили помочь хлебом, одеждой, другие — в ремонте жилья. Особенно важно было побыстрее перевести в теплые сухие помещения детей и больных из сырых подвалов, подземелий и пещер. И Совет делал все, что представлялось возможным.

К вечеру 3 декабря, когда схлынул людской поток, в слабо освещенном помещении Совета собрались партизаны, старики и

комсомольцы — члены подпольно-диверсионных групп. В тот вечер от подпольщиков я узнал о героической гибели Тоси Аникеевой.

Перед Ростовской наступательной операцией Аникеева получила задание разведать охрану штаба немецкой воинской части. Перед этим девушка долго не жила дома. Ее мать-старушка ушла в ближнее село, и Тоня постучалась к соседям. Не успела она войти в дом, как из смежной комнаты вышел постоялец — немецкий офицер.

— А, русский фрау — партизан! — воскликнул он, потирая руки.

— Тосю посадили в подвал, — со слезами на глазах рассказывала нам в тот вечер о подруге Фета Константинова. — Комсомольцы-подпольщики сумели наладить с ней связь. Вскоре ее повели на допрос…

Гестаповец долго рассматривал Тосю, потом заговорил с переводчиком. Переводчик достал из папки листовку, спросил:

— Это ваша работа?

Девушка ответила, что она ничего не знает. Тогда позвали станичного атамана Зубкова. Атаман взглянул на Аникееву, усмехнулся:

— Попалась, значит. Первая комсомолка на селе. Связана с партизанами.

Тося с презрением взглянула на Зубкова, не выдержала., сказала:

— И я знаю тебя. Сын палача-белогвардейца, фашистский холуй и предатель.

Враги окружили девушку. Ее били плетьми, а когда она падала без чувств, топтали ногами, потом обливали холодной водой, поднимали, били снова. От нее требовали назвать фамилии руководителей партизанского отряда, указать его базы.

— Ты же знаешь, где находится отряд, — в бешенстве орал атаман. — Говори, а то изничтожим!

Ничего не добившись от мужественной комсомолки, гитлеровцы ночью вывели ее на расстрел к полотну железной дороги. Аникееву хотели поставить на колени и выстрелить в затылок, но она приняла смерть стоя. Пуля пронзила ей грудь как бойцу, идущему в атаку…

Хоронили Тосю в освобожденной Синявке. Гроб, задрапированный красной материей, несли комсомольцы-партизаны. Все село вышло проводить в последний путь отважную патриотку. На холме, рядом с братской могилой героев гражданской войны, процессия остановилась. Отсюда видна степь, которую она так любила, и молодые сады, и школа у речки

Морской Чулек, где училась девушка. Тихо падал снег. У гроба, сжав автоматы, застыли в скорбном молчании ее товарищи — Леня Сидоренко, Ваня Ющенко, Костя Голоснов и Володя Мовцесов.

Выступая, командир отряда взмахивал рукой, в которой держал пистолет. Он словно чеканил слова:

— Ты — верная дочь народа, храбрая партизанка. Жила и росла среди нас. Ты немного успела совершить, но сумела то, на что способен человек в самом великом — отдала свою жизнь, чтобы свободно жили другие…

Старики стояли без шапок, женщины утирали слезы. С приазовских плавней подул низовой ветер, разогнал тучи. Лучи солнца осветили холм. Прогремел трехкратный салют в честь погибших.

У партийных и советских работников дел — только успевай поворачиваться. Приходилось заботиться не только о местном населении. Стремительное наступление наших войск привело к тому, что тылы некоторых воинских частей поотстали. Поэтому мы помогали армии продовольствием и фуражом. Зерно, муку и фураж, отбитые у немцев, взяли на строгий учет. Склады конторы «Заготзерно», тщательно охранялись от диверсантов. Председатель сельского Совета Рыбальченко собственноручно выписывал продукты со складов.

За считанные дни были восстановлены и пущены в ход вальцевая мельница и пекарня. Население и воинские части снабжались мукой и хлебом. Старики рыбаки организовали круглосуточный подледный лов. Ивану Герасимовичу Евтушенко не раз приходилось выезжать на передовую, чтобы научить армейских поваров по всем правилам варить донскую уху и пшеничную кашу с «рахманками», то есть с рыбьим жиром. В благодарность фронтовики щедро одаривали рыбака махоркой.

Леня Сидоренко вихрем носился по селу на трофейном вороном жеребце, выполняя поручения председателя сельского Совета. Он то наблюдал, как местные плотники ремонтируют клуб рыболовецкой артели, предназначенный под полевой госпиталь, то спешил к рыбакам или на различные склады.

Перед тем как в госпиталь начали поступать раненые, девушки под руководством Феты Константиновой вымыли в комнатах полы, собрали по селу столы, стулья и, по возможности, создали в палатах уютную обстановку. Бабушка Гудиха принесла в госпиталь портрет В. И. Ленина. Рискуя жизнью, она уберегла портрет от фашистов на чердаке своего, дома.

Неугомонный завхоз партизанского отряда Куринков с утра до поздней ночи в хлопотах. В ночном бою у камышитового

завода мы захватили пять автомашин с трофейным оружием — винтовками, пулеметами разных систем, много ящиков с патронами, ручными гранатами. Куринков позаботился, чтобы оружие было проверено и аккуратно уложено на складе отряда. Там же он хранил муку, сахар, соль, табак — словом, все необходимое в боевой обстановке. Однажды я зашел на склад и подивился энергии завхоза.

— Петр Федорович, — помнится, оказал я Курникову, — неужто все это для «Отважного-1»?

— Я, товарищ секретарь, — ответил завхоз, — пекусь не только о нашем отряде. О моряках-побратимах тоже не забываю. На войне может всякое случиться. Не ровен час, может, еще придется сражаться в тылу врага. Вот запас и пригодится.

Самостоятельно изучать трофейное оружие для партизан оказалось делом затруднительным. Обратились за помощью к Куникову. Он прислал инструктора, старшего лейтенанта, потом направлял к нам и других офицеров. В отряде проводились военные занятия.

Шли занятия и в группе разведчиков. Им говорили:

— Помните, в разведке вы все видите, а вас — никто. Обнаружили себя — поставлен под удар отряд. Действуйте осторожно, скрытно и решительно…

Леня Сидоренко и Ваня Ющенко, сидя рядом, зашептались, вспомнили свою первую разведку. Им тогда приказали выяснить, как организована охрана причала у рыбозавода. По неопытности они забрались в салотопку. Там хранились горючее, моторные лодки. В любую минуту в помещение могли зайти немцы. На этот случай молодые бойцы приготовили бритвы. На счастье, все обошлось благополучно…

На другом занятии партизаны учились ориентироваться по карте, ходить по азимуту. И снова воспоминания: не одному бойцу приходилось плутать в приазовских плавнях.

Изучали борьбу с танками.

— Смелому танк не страшен, — говорил инструктор. — Только знай уязвимые места и умей метко бросать гранату, бутылку с горючей смесью…

Сидоренко рассказывал товарищам, как он на Миусе подбил танк гранатой, а потом расстреливал фашистов, покидавших горящую машину. На занятиях он повышал свои знания.

Изучали, как вести огонь по воздушному врагу. Оказывается, из винтовки или ручного пулемета можно было сразить самолет на высоте 600–800 метров. Стрельбу открывали, когда машина проносилась над головой. Стреляли из положения лежа.

— А я стрелял, как только увижу самолет, — говорил Костя

Голоснов своему другу Володе Мовцесову. — Знал бы правила стрельбы, глядишь, и подбил бы крылатого фашиста…

Учились разжигать замаскированные костры: «звездный», «полинезийский».

— А как разжечь костер без спичек? — спрашивал офицер и отвечал: — Приготовь сухую бумагу или мелкое сено, листья камыша. Вынь из патрона пулю, высыпь на разжогу часть пороху, заткни бумагой и выстрели в растопку.

— Смотри, как просто, — говорили партизаны. — Ведь случалось, отсыревали спички…

Инструктор учил партизан распознавать немцев по родам войск.

— Пойди разбери их, особенно ночью, — шептались партизаны. — Главное, попался фашист, уничтожай его без разбору.

Занятия в отряде проводились вечерами, а то и ночью. В дневное время бойцы восстанавливали в селе разрушенное врагом хозяйство, помогали тыловым подразделениям частей Красной Армии. Не прекращались разведки в тыл врага. Вместе с моряками мы готовились к новым боевым схваткам с противником.

20 декабря под вечер в Синявку приехала группа командиров во главе с Куниковым. Их интересовало трофейное оружие. Не успели мы поздороваться, как Куников попросил горячего чая, продрог, говорил, до костей. Я, признаться, удивился: такой закаленный человек и замерз, одетый в полушубок, валенки, шапку-ушанку. Оказалось, вблизи села на Мертвом Донце сани влетели в полынью. Цезарь Львович принял ледяную ванну. Я распорядился принести подходящий костюм, сухие валенки и приготовить чай.

Переодевшись, Куников, по обыкновению, перешел на шутливый тон разговора. Покачал головой:

— Кругом война, а ты восседаешь за письменным столом да еще в кресле. — Он огляделся. — Вот только автомат в углу.

Открыл ящик, достал гранату лимонку. Улыбнулся, сказал:

— Беру свои слова обратно. Сразу видно — прифронтовой райком!

Во время нашего разговора в комнату вошел старик, мой давнишний знакомый Трофим Иванович Панфилов. В полеводческом колхозе имени Яна Фабрициуса он работал в слесарной мастерской. В 1928 году мы с Трофимом Ивановичем создавали этот колхоз. Я тогда был председателем колхоза, а он — моей правой рукой. Панфилов поздоровался и, кивнув в сторону Куникова, вопрошающе посмотрел на меня. Я

познакомил их. Спросил у бригадира, что нового.

— Давеча тебе не признался, — виновато и вместе с тем лукаво поглядывая, сказал Трофим Иванович. — Ведь ты строго предупреждал, чтобы без разрешения по степи не ходили, потому как минированная. Да ребята не стерпели, и я, старый, с ними. Вчерашнего дня добрались до полевого стана, раскопали запасные части к тракторам, а в куче пепла отыскали инструмент. Когда возвращались домой, в Белой балке немецкий танк обнаружили с крестом. Я не утерпел, залез в середку. Движитель гожий, управление исправное. Только гусеница ремонта требует, так то полдела. Думаем раненого немецкого зверя на пахоту подладить.

— А если того зверя да направить на фашистов? — вставил Куников. — Отремонтировать и танкистам передать.

Панфилов пристально посмотрел на Цезаря Львовича.

— Наконец вспомнил, где вас встречал: в Самбеке в прошлом году, — сказал он обрадованно. — Моряков там и по сей день, наверно, не забыли.

Помрачнев, добавил:

— В фашистской неволе наши жители. Крепко засел вражина на самбекской горе.

— Осилим захватчиков. Обязательно осилим! — воскликнул Цезарь Львович. — И Самбек освободим. Разве можно победить советский народ! Вот ваша бригада у врага под носом к севу готовится. Это же мужество!

— Иначе нельзя, — ответил Трофим Иванович. — Хлеб растим. А хлеб для фронта, считай, те же снаряды. И тылу без пшенички худо.

Подумав, он сказал:

— А немецкий танк исправим и вручим Красной Армии… Рабочие и колхозники на танковые колонны деньги собирают, А мы, вдобавок, исправный танк передадим.

Мы с Куниковым похвалили Панфилова за такое решение.

После поспешного отступления противника из села на станции осталась два десятка поврежденных немецких тягачей. Колхозные механизаторы пришли к заключению, что часть из них можно восстановить и использовать вместо тракторов. О них у нас и пошла речь. Куников пообещал прислать минеров, чтобы они очистили поля от фашистских «сюрпризов».

Узнав о приезде Куникова и его товарищей, в райком пришел Куринков. Пожимая руку завхозу, Цезарь Львович шутил:

— Приехали к вам, Петр Федорович, приглашать партизан на очередной концерт. А то однажды побывали и глаз больше не кажете. Моряки благодарят за пианино. Особенно Богуславский.

Только вырвется свободная минутка, он — к инструменту. Разливаются мелодии по всему островку.

— У нас поважнее инструменты для вас подготовлены, — не без торжественности сказал завхоз. — Пойдемте в склад, полюбуетесь.

В складе трофейного оружия Цезарь Львович восхищенно воскликнул:

— Ай да постарались! Автоматы, гранаты, ящики с патронами…

Потом мы прошли в конюшню. В станках стояли три пары упитанных лошадей.

— Нравятся? — спросил я у Куникова.

— Кони хорошие, только я в породах ничего не смыслю.

— Тракен, — пояснил я. — В Германии они в большой цене.

Фашистским комендантом в Синявке оказался конезаводчик. Комендант ждал подходящего случая, чтобы отправить лошадей в свой фатерлянд. А вскоре сам еле ноги унес — драпал в одном белье, на автомашине. После него, помимо лошадей, осталась карета с немецким фамильным гербом на передке.

Лошадей вместе с просторными санями мы тут же передали морякам. На сани погрузили трофейное оружие, выделенное куниковцам. Обсудив предстоящие совместные боевые операции, мы расстались. На передних санях рядом с Куниковым сидел Евтушенко, самый надежный проводник по приазовским плавням.

Ледовые походы

В декабре 1941 года сильные морозы оковали Таганрогский залив, Дон и его притоки. Возникла угроза прорыва немцев к Ростову через обширное ледяное поле. Пришлось заминировать все вероятные подходы немцев со стороны моря. От островка «Комитета донских гирл» до Азова по морскому побережью и в устье Дона через каждые триста-пятьсот метров создавались искусственные ледяные заторы, устанавливались мины.

Старые рыбаки и женщины-рыбачки из Синявки, Мержаново, Морского Чулека, зная глубоководные места, прорубали широкие ополони на ледовых зимних дорогах и маскировали их — готовили ловушки врагам. Вместе с воинскими частями население прифронтовых сел, станиц и хуторов копало траншеи и противотанковые рвы, строило оборонительные сооружения. Ни в сильные морозы, ни в метели не прекращалась работа. Днем и ночью, иногда и без обогрева, без горячей пищи, неутомимо трудились советские люди, обороняя родную землю от ненавистных захватчиков.

В начале января секретарь обкома партии Борис Александрович Двинский прислал в райком письмо. Он подробно интересовался, как организована работа райкома в условиях прифронтовой полосы. В письме Борис Александрович строго предупреждал районных работников, чтобы зерно, фураж, мука, отпускаемые воинским частям, точно учитывались. На государственном: учете был каждый килограмм продуктов питания.

В своем письме секретарь обкома сообщал о ближайших задачах партизанского отрада. Он также писал Рыбальченко о том, что меня и Куникова приглашает к себе командующий 56-й Отдельной армией генерал Ремезов.

Вскоре в Синявку приехал Куников, и мы отправились в слободу Большекрепинскую, где размещался штаб армии. Командующий армией принял нас тепло. Обменявшись рукопожатиями, пригласил сесть и чувствовать себя непринужденно.

— Встречаемся мы с вами, товарищи, впервые, но о вашем боевом содружестве я слышал похвальные отзывы в обкоме партии, — сказал генерал. — Высоко оценивает ваши боевые действия, товарищи моряки и партизаны, и Военный совет армии. Могу оказать по секрету: решено представить к правительственным наградам особо отличившихся. Список составлен, согласован с товарищем Двинским. В ближайшее время приеду поздравлять награжденных!

Командующий поинтересовался, как взаимодействуют наши отряды. Мы рассказали. Рыбальченко отметил, что дружба между отрядами проявляется не только в бою. Моряки помогли партизанам боеприпасами, делятся боевым опытом. Партизаны под руководством командира-моряка изучают трофейное оружие. Куников похвально отозвался о помощи партизан-проводников и разведчиков.

В конце беседы генерал разъяснил стоящие перед отрядами задачи и просил передать благодарность населению района за содействие армии.

— Сам видел, — говорил командующий, — как пожилые женщины день и ночь трудятся в полевом госпитале — по-матерински ухаживают за ранеными. А старики трактористы восстановили трофейный танк и торжественно передали воинской части.

К вечеру мы возвращались в Синявку. Думалось об одном — о задачах, которые поставлены перед нашими отрядами штабом армии. В соответствии со сложившейся обстановкой на фронте вам предстояло дезорганизовать движение вражеского автотранспорта на северном побережье Азовского моря, на подступах к Миус-фронту, систематически разрушать линии вражеской связи, вести разведку, добывать «языков».

Решать эти задачи было весьма трудно, так как ледяное открытое поле простиралось на десятки километров, а на побережье находились вражеские гарнизоны и полицейские посты. Нам же предстояло в течение одной ночи преодолеть семьдесят-восемьдесят километров и совершить операцию.

На совместном совещании командования отрядов приняли решение использовать конные сани, оставлять транспорт примерно за километр от вражеских постов и маскировать его. Существенную помощь оказали нам рыбаки из Кагальника. В

дополнение к нашим трофейным они выделили из рыболовецкого хозяйства лошадей, оснастили сани, так что на каждой пароконной упряжке могли разместить восемь, а то и десять человек с вооружением.

Куников сам сконструировал устойчивые приспособления для установки на санях пулеметов и ротных минометов. В колхозной кузнице круглые сутки не затихала работа. Наш завхоз Петр Федорович Куринков поторапливал старых кузнецов, которые и так старались изо всех сил, готовя все необходимое к ледовым походам — зацепы, багры, «кошки», безлуки.

Темной ночью в начале января куниковцы вместе с партизанами отправились в первый ладовый поход. Партизаны Александр Рымарь и Леонид Сидоренко разместились на передних санях проводниками: раньше им не раз приходилось ездить по Таганрогскому заливу в зимнее время. Ориентируясь по компасу, они взяли направление на Поляковку. Подъехав к намеченному месту, бойцы замаскировали лошадей и сани белой материей. Вдали чуть угадывались очертания берега.

Выслали разведку. Немцев поблизости не оказалось. Партизаны и моряки благополучно достигли берега, залегли под кручей близ дороги. Все горели желанием немедленно действовать, ведь дорога каждая минута! Но впереди крутой обрыв. В руках бойцов небольшой якорек на веревке — зацеп. Кто-то неловко кинул зацеп, и тот упал вниз. За ним с шумом полетел кусок обледенелого грунта. Все замерли. Но обошлось благополучно.

Бойцы осторожно, с большим трудом выбрались наверх. В ночной тишине послышались голоса, говорили по-немецки. Невдалеке заскрипел снег. Бойцы прижались к заснеженной земле, затаили дыхание: мимо проходил вражеский патруль. На фоне белой степи отчетливо обозначились фигуры солдат в фашистской форме.

Патрульные удалились. Группа подрывников, преодолев подъем, ползком выбралась на дорогу. Бойцы группы прикрытия залегли в сугробах, готовые в любую минуту открыть огонь из автоматов и забросать врага гранатами.

Минеры приступили к выполнению своей задачи. Но не так-то просто вырыть лунку для мины в мерзлом обледенелом и плотно укатанном покрытии дороги. Выручила куниковская предусмотрительность. Он посоветовал подрывникам взять с собой термосы с кипятком, чтобы согреться самим и прогреть землю. Мины были установлены и замаскированы снегом.

Врага долго ждать не пришлась. Прорезав ночные сумерки, замелькали огни автоколонны, идущей по направлению к

Таганрогу. Огни все ближе, они словно обшаривали дорогу. Головная машина подошла к месту минирования. Раздался оглушительный взрыв, Вверх взметнулся сноп огня. Колонна остановилась. Фашисты поспешно покидали машины и тут же многие падали, сраженные автоматными очередями.

Взлетела зеленая ракета — сигнал к отходу. Партизаны и моряки быстро отползли к берегу. Последними отходили подрывники, они успели уложить на пути отхода противопехотные мины. Раздались подряд три взрыва: подрывались фашисты, пытавшиеся преследовать народных мстителей. По льду моря заскользил слепящий луч прожектора. Люди и лошади, все в белом, сливались с ледяными прибрежными торосами. Удалось отойти без потерь.

…И опять новые задания, ночные походы. Подрываются вражеские машины. Нарушается связь. Разведчики приносят ценные сведения…

В те дни при встречах я продолжительно беседовал с Куниковым. Он умело применял в условиях войны свой богатый опыт в области техники. Каждое, хотя бы маленькое усовершенствование в боевой технике, каждое наблюдение над тактикой врага использовал в своей части и охотно делился своими находками с побратимами-партизанами. Немало остроумных и тонких технических идей созревало у даровитого офицера-коммуниста. Он обращался с ними к старым товарищам, которые трудились в области производства вооружения, направлял им разработанные технические усовершенствования, практические предложения.

Тогда в начале 1942 года ему чуть ли не ежедневно приходилось решать сложные и ответственные задачи. То моряки доставали со дна потопленное оружие, то изготовляли недостающую деталь для трофейного противотанкового орудия. Одновременно наши отряды несли напряженную службу. Противник стремился просочиться через плавни и залив, часто посылал разведчиков. Куников с помощью комсомольцев из окрестных сел и хуторов организовал сбор коньков, и моряки по ночам несли сторожевую службу в заливе на коньках.

В одном из писем того времени Цезарь Львович писал: «Все это, в сущности, очень интересно для людей, любящих жизнь во всех ее проявлениях. Я, кажется, отношусь к таковым и, хотя не влюблен в войну, стараюсь принимать лишения и опасности как форму „состояния жизни“, причем неизбежную, и ищу опасностей для себя и для своей части. Я не могу назвать себя героем и не совсем понимаю, что это такое. Подозреваю, что это — занятие, на которое способны все. Главное, суметь себя внутренне

организовать».

И Цезарь Львович вместе с комиссаром, опираясь на коммунистов и комсомольцев, терпеливо, настойчиво воспитывал в бойцах и командирах качества, которые делают людей героями в грозный час. Он находил пути к сердцу каждого. Человек с исключительно развитым чувством долга, Куников всячески развивал это чувство и у подчиненных. Его любили, за ним шли в огонь и воду, в труднейших условиях побеждали более сильного врага…

Во второй половине февраля погода резко изменилась: под теплыми солнечными лучами быстро таял снег, зачастили дожди. В море появились разводины, что очень усложняло ледовые походы.

Командующий 56-й Отдельной армией Ф. Н. Ремезов

Командование 56-й Отдельной армии поручило нашим отрядам добыть «языка». Срок — двое суток. Трудность выполнения задачи заключалась не только в том, что наступила оттепель, ко и в том, что береговые посты, по данным разведки, были усилены эсэсовскими подразделениями. В разведку подобрали моряков и партизан, особенно отличившихся в схватках с фашистами, наиболее дисциплинированных и ловких. Разведчики, люди бывалые, предлагали разные хитрости, чтобы обмануть врага…

Разведчики, как всегда, выехали вечером. На двух санях возвышался необычный груз — тюки сена. Сани остановились на виду у противника. Лошадей выпрягли и увели в заторы. Яркий луч прожектора нащупал ложную стоянку. Немцы открыли по ней яростный огонь. Хитрость удалась! Разведчики тем временем засекали расположение пулеметных и минометных точек противника.

На стоянке заполыхало сено, подожженное во время обстрела. Разведчики разделились на две группы. В задачу одной из них входило, в случае необходимости, отвлечь внимание гитлеровцев, второй — обойти отмель, зайти вражеской пулеметной точке с тыла и захватить пленного.

Бойцы группы захвата сумели почти вплотную подползти к немцам незамеченными. В момент перезарядки гитлеровцами пулемета разведчики набросились на них. В короткой схватке два фашиста были убиты, а третьего связали. Офицер Белов, знавший немецкий язык, тут же допросил пленного. Немец рассказал, что береговые посты усилены солдатами особых частей, указал место, где расположена ближайшая пулеметная точка эсэсовцев.

Оставив около пленного бойца, разведчики незаметно подкрались к эсэсовцам. Гитлеровцы оказали ожесточенное сопротивление. Трех фашистов пришлось прикончить, а четвертому выставили в рот кляп и связали руки.

Утром фашистов доставили к Куникову на базу. Немцы вели себя по-равному. Тот, кого взяли первым, беспрекословно выполнял команды. Он оказался солдатом. Второй — офицер-эсэсовец — вел себя нагло. Он заявил, что германская армия завоюет Россию, как уже завоевала Польшу, Францию и другие страны.

Куников спросил у пленного о пройденном им за время войны пути. Фашист неохотно ответил: Варшава, Париж, в России — Смоленск, Днепропетровск, Ростов. При упоминании о Ростове, немец нахмурился.

Куников засмеялся:

— Что, вода в Дону пришлась не по вкусу?

Гитлеровцев доставили в штаб армии. Обращались с ними гуманно. Пленные сообщили важные сведения о дислокации фашистских частей под Таганрогом.

С наступлением весны

В конце 1941 года Красная Армия не только остановила продвижение врага, но и, разгромив немецко-фашистские войска под Москвой, Ростовом и Тихвином, развеяла миф о непобедимости гитлеровских вооруженных сил. Зимой 1941/42 года советские войска провели наступательные операции. В ходе этих операций враг потерял большое количество живой силы и техники. Красная Армия сорвала планы «молниеносной» войны гитлеровской Германии.

Немецко-фашистское командование, стремясь оправиться от поражения и вновь захватить инициативу, перебросило на советско-германский фронт все свои резервы, включая резервы сателлитов. Гитлеровцы начали подготовку к новому наступлению.

Весной 1942 года обстановка на фронте для наших войск значительно ухудшилась, в частности, в результате неудачного исхода операций в районе Харькова и на Керченском полуострове. Гитлеровское командование не планировало наступление по всему фронту, а стремилось нанести удары по советским войскам лишь на юге нашей страны. Направления главных ударов обозначились на Ростов и Сталинград.

Весна на Нижнем Дону наступила рано. День ото дня сильнее грело солнце, в приазовских плавнях подтаивал и оседал снег, оголялись займища. В первых числах марта Дон, а затем Азовское море вскрылись ото льда. Весенним паводком залило луга и займища, лишь островок «Комитета донских гирл» избежал затопления. На высоких оголенных вербах, выросших на островке, грачи поднимали суматошный крик.

Многие моряки — москвичи, ленинградцы — впервые видели вольный разлив степной реки. Куников с интересам наблюдал, как под яром с силой бурлил, клокотал весенний поток. Сильное течение в глубокой котловине кружило воду вместе с попавшими в коловерть пучками старого камыша. Нередко у самого береста вскидывался золотоспинный сазан.

В вечерних сумерках, когда всходил ущербный месяц, вдали начинали вспыхивать осветительные ракеты. Там, где темнел высокий берег, вдоль Самбекских высот, проходил Миус-фронт. Оттуда доносились приглушенные расстоянием разрывы снарядов, пулеметные очереди. Враг часто вел артиллерийский обстрел переднего края обороны наших войск. Активных наступательных действий гитлеровцы не предпринимали, усиленно действовала лишь их разведка.

Командование армии поставило перед нашими отрядами задачу: охранять побережье, не дать врагу возможность просочиться на противоположный берег Азовского моря, преодолеть приазовские плавни. Морское побережье, куты, лиманы, которые находились под контролем моряков и партизан, простирались на десятки километров. Чтобы надежно все охранять, следовало увеличить число катеров и лодок.

На совместном совещании командования отрядов Куников предложил поднять с донского дна катера, затонувшие в ноябре 1941 года. Не было водолазных костюмов, но нашлись охотники, которые с концом троса ныряли в воду и зачаливали катера. А затем катер подтягивали к берегу с помощью трактора или лебедки. Я тогда предложил изготовить для этого ворот в колхозной мастерской.

Оружейную мастерскую перенесли с островка в расположение колхоза. Там в удобном помещении с помощью колхозных умельцев удалось отремонтировать пять катеров, поднятых со дна реки, а затем — трофейные пулеметы и минометы. Катера спустили на воду, на них установили пулеметы и передали командам. Отряд получил катера с малой осадкой, необходимые на мелководье.

Я с восхищением наблюдал, с какой изобретательностью, завидной энергией Цезарь Львович занимался оснащением и вооружением катеров. «Я здесь занимаюсь весьма активно техническими усовершенствованиями», — писал Куников в те дни своим товарищам по работе в Москву. Цезарь Львович просил их оказать помощь в изготовлении приспособлений для ремонта пулеметов и другого вооружения. Приспособления он сконструировал и вычертил сам. Москвичи охотно откликнулись на его просьбу. Мастерская была хорошо оборудована. При

надобности пользовались ею и партизаны.

Командир моряков отличался разносторонними знаниями.

В пору временного затишья на его тумбочке появлялись различные книги, в том числе по истории, военному искусству, уставы, наставления, техническая литература. Мне, донцу, особенно нравилось то, что Куников увлекался историей нашего края. Однажды я зашел к нему, когда он сидел один, обложившись книгами.

— До чего же интересна история Дона, — восхищенно сказал Цезарь Львович. — Оторваться не могу. Древние греки Дон называли Танаисом. Об этом я знал раньше. А вот о том, что его в более древние времена именовали Амазонией, узнал впервые. Будто бы в реке купались амазонки. По представлениям древних историков, это было воинственное племя женщин, занимавшихся охотой.

Я сказал, что у села Недвиговки при раскопках древнего городища найдено много предметов, относящихся к тем временам. Если удастся, побываем там.

— Как ты знаешь, недалеко от станицы Елизаветинской Дон разделяется на два основных рукава, — продолжал Цезарь Львович. — Левый рукав носит название Старый Дон, правый — Каланча. Название «Каланча» произошло от двух турецких укрепленных башен — каланчей. Стояли они во времена владения турками Азовом по берегам, у самого разделения Дона. Между башнями протягивались цепи, преграждавшие путь судам. Укрепленные башни, державшие под пушечным обстрелом Дон, были штурмом взяты войсками Петра Первого во время Азовского похода… Понимаешь, Дон раньше перегораживался. А ведь это очень важно!..

Куников предложил вблизи хутора Рогожкино соорудить заграждение.

И по его предложению Дон по пути к Ростову перегородили пятью рыболовецкими баркасами, наполненными бочками с горючим, которого оказалось в достатке на ближайшем нефтехранилище. В случае попытки немцев прорваться с моря вверх по реке горючее намечалось поджечь. Горящая нефть разлилась бы по воде, и вражеские суда, попав в зону огня, оказались бы выведенными из строя.

Вода в Дону постепенно убывала. Берега реки, проток и ериков, приазовские займища быстро покрылись густой зеленью. Это облегчало проникновение вражеских лазутчиков в плавни. Пришлось усилить наблюдение за камышовыми зарослями, протоками и кутами, выставить дополнительные посты. Большую помощь нам оказали местные жители, участники подпольно-

диверсионных групп. Они знали в плавнях потайные тропки, по которым могли пройти незамеченными немецкие лазутчики и диверсанты.

В Синявке находились и районный комитет партии и командование партизанского отряда. Время от времени мы встречались в райкоме с Куниковым и его помощниками, совместно намечали действия по боевому охранению порученного нам участка и разведке противника. Нередко через линию фронта к нам пробирались с важными донесениями участники подпольно-диверсионных трунил. Они сообщали сведения о расположении воинских частей противника, рассказывали о зверствах фашистских варваров на оккупированной советской земле.

Из села Покровского старики подпольщики Кузьма Маркович Фоменко и Петр Степанович Бондаренко прислали донесение, с ним к нам прибыла комсомолка Наташа Ткаченко. Мы с Цезарем Львовичем слушали горестный рассказ девушки. В селах и хуторах немцы провели регистрацию взрослого населения, на особо строгий учет взяли молодежь. Большинство девушек и подростков-парней получили повестки — враг отправлял их в Германию, в фашистскую кабалу. Многих жителей угнали на восстановление разрушенных заводов Таганрога. Сотни колхозников, женщин и стариков, гитлеровцы согнали на рытье окопов и оборудование блиндажей. Заставляли работать с раннего утра до поздней ночи. За малейшее ослушание — плети, а то и расстрел.

На учете у врага не только люди. По дворам переписана вся живность, до последней курицы. Если хозяин осмеливался зарезать свинью или овцу, даже птицу, то полицаи забирали мясо, а заодно и всю живность со двора.

Здания нового клуба и школы-десятилетки немцы разрушили, а строительные материалы использовали на постройки оборонительных сооружений.

В селе Николавке фашисты создали лагерь для пленных советских воинов и патриотов, подозреваемых в борьбе против оккупантов. В лагере — до пяти тысяч человек. В дождь и стужу заключенные находились под открытым небом. Ежедневно умирали сотни людей.

От рук фашистов погибли члены подпольно-диверсионной группы Иван Федорович Скрипка, Поликарп Ефимович Минка, Василий Федорович Ткаченко, Дмитрий Сергеевич Акименко. Погибли и другие советские патриоты.

Но ни террор, ни зверства фашистов не останавливали отважных борцов. Они становились лишь осмотрительнее.

Ткаченко рассказала, что руководитель подпольно-диверсионной группы Петр Степанович Бондаренко в целях конспирации поступил на работу сторожем общинного огорода. На берегу Миуса он отремонтировал сторожку, достал старый мотор и налаживал его там для полива — хотел войти в доверие к немцам.

Периодически на огороде, в старом овощехранилище, поросшем бурьяном, собирались подпольщики, печатали листовки, там же укрывали от вражеских глаз красноармейцев, бежавших из плена. Женщины-огородницы тайком приносили им из дому хлеб, одежду.

Девушка-разведчица сообщила важные сведения о немецких войсках. В села Покровское, Николаевку, Марьевку прибыли танковые части. В колхозном саду в Покровском она насчитала свыше пятидесяти танков. Во дворе райпотребсоюза сложены штабелями снаряды и авиабомбы. Враг накапливал силы…

В тот день мы с Куниковым встретились и со стариками станичниками. Собрались полеводы, трактористы, рыбаки. Цезарь Львович поблагодарил их за лошадей, которые пригодились морякам и партизанам в ледовых походах. Теперь же их возвращали колхозам.

— А то табунщики из моряков незавидные, — пошутил он. — Двух лошадей больше суток никак в камышах не разыщем.

Трактористы в свою очередь благодарили моряков и партизан за участие в подготовке к севу.

— В чем же наша помощь? — озадаченно опросил Куников.

— Саман первейшая, — ответил ему Панфилов, бригадир из слесарной мастерской. — На станции Синявка вы добре немцам перцу дали. Они там богато техники побросали. Вот мы из того трофейного хозяйства пять тягачей на сев и подладили. А ихний танк, по вашему совету, после ремонта гвардейцам-танкистам передали. От генерала благодарность получили. — Все бы хорошо, — продолжал бригадир, — и тракторы, и сеялки в порядке. Вчерашнего дня пробовали пахать, землица, считай, готова. Особенно во второй бригаде у хутора Водино, хороший клин под пшеницу. Но вот беда. Не успели по кругу пройти, как он, вражина, давай из орудий палить. Обошлось благополучно. Только Ивану Возику плуг осколком повредили. А по правде оказать, страху набрались. Досталось мне от командира с передовой. Он меня предупреждал: «Вы, деды, не суйтесь немцу в зубы. Ведь до переднего края обороны — всего десяток километров». А разве удержишься — земелька-то какая, в самый раз пахота. Завтра попробуем потрудиться за Белой балкой, туда фашист не достанет.

Я посоветовал Трофиму Ивановичу слушаться военных. А сам, признаться, восхищался в душе мужеством земляков-хлеборобов.

После беседы с полеводами мы с Цезарем Львовичем побывали в кузнице. Он отобрал куски упругой стали и сам отковал замысловатые детали для оснастки катеров. Наблюдая за ним, кузнецы одобрительно переглядывались.

На пути нам повстречался завхоз партизанского отряда. У Петра Федоровича моряки пользовались особой симпатией. Он с радостью приходил на помощь побратимам. Те, в свою очередь, в долгу не оставались. Вот и теперь, дружески улыбаясь, Куринков расспрашивал Куникова, в чем нуждается отряд. Цезарь Львович поблагодарил за участие и заверил, что моряки обеспечены всем необходимым. Наш завхоз все же распорядился погрузить на катер командира отряда подарок морякам от партизан — мешок муки-крупчатки.

В тот день мы в последний раз пообедали с Цезарем Львовичем в сравнительно спокойной обстановке. За столом он шутил. Вспоминал, как обжегся рыбацкой ухой, когда впервые пробовал ее у стариков. Теперь в отряде сами научились и ловить рыбу, и варить уху.

— А вот с икрой не получается, — рассказывал он. — Сколько ни приготовляли, то недосол, то пересол. Впору Ивана Герасимовича в консультанты приглашать.

После обеда речь зашла о серьезном. В штабе Куникова от подпольщиков стало известно, что гитлеровцы организовали в Таганроге специальную школу. В ней готовили шпионов и диверсантов, главным образом, для засылки на Кавказ.

— Штаб дивизии требует от нас высокой бдительности, — сказал Куников, подводя итог разговору.

…В начале мая в плавнях появилось несметное количество комаров. В мирное время рыбаки спасались от комаров дымом, жгли костры с сырой заправой. А сейчас — вокруг посты, секреты, соблюдалась строгая маскировка. Ни марлевые сетки, ни нефтевание прилегающих к базе участков почти не помогали. Выручила мазь «Тайга», присланная товарищами Куникова из Москвы. Морякам и партизанам легче стало нести дозорную службу.

В ночь на 28 мая команда катера «Стрела» захватила в море шлюпку с тремя агентами немецко-фашистской разведки. Агенты пробирались в приазовские плавни. Вначале они заявили, что бежали из фашистского плена. Но на допросе а штабе отряда моряков задержанные признались во всем. От них удалось выяснить, что последует переброска еще двенадцати человек. В

результате усиленного патрулирования были взяты в плен и эти двенадцать.

Шпионы и диверсанты обеспечивались фальшивыми документами и крупными суммами советских денег. Они направлялись в глубокий тыл — Баку, Грозный, Тбилиси для диверсионной работы. При допросе выяснилось, что фашисты возлагали большие надежды на предполагавшуюся ими непрочность советского тыла на Кавказе. Заправилы гитлеровской Германии считали, что как только немецкие войска прорвутся на Кавказ, среди горского населения начнутся распри и восстания против Советской власти. Чтобы способствовать этому, разведка врага пыталась создать среди кавказских народов свою агентуру.

Как известно, история посмеялась над этими потугами незадачливых фашистских политиков. Народы Кавказа, освобожденные Великой Октябрьской социалистической революцией, с помощью русского народа и других народов Советского Союза ликвидировали свою вековую отсталость, за годы предвоенных пятилеток добились больших успехов в развитии социалистической экономики и культуры. Они плечом к плечу со всеми народами нашей необъятной Родины отстаивали свободу и независимость Страны Советов…

Пленных доставили в штаб 56-й Отдельной армии. Их показания помогли полнее вскрыть замыслы фашистов на юге. За поимку вражеских агентов командование армии объявило благодарность куниковцам и партизанам.

В прифронтовых населенных пунктах, освобожденных от гитлеровцев, шла своя жизнь. Каторжный режим, введенный фашистами, кровавые расправы над мирным населением оставили глубокий след в сознании колхозников. Жители Синявки, Морского Чулека, других сел, станиц и хуторов отдавали все силы обороне от ненавистного врага. С наступлением весны на плечи колхозников легла двойная забота. Они обеспечивали фронт продовольствием, создавали оборонительные рубежи. Старики, женщины и подростки вместе с саперами рыли противотанковые рвы, извилистые траншеи, вкапывали в землю колья и натягивали на них колючую проволоку. От морского побережья до Матвеева Кургана и дальше вырастали вторая и третья линии обороны.

Накануне первомайского праздника комсомольцы организовали сбор подарков для воинов, находившихся на передовых позициях. Девушки на кисетах, носовых платках вышивали слова привета и сердечных пожеланий. Женщины-хозяйки и в прифронтовых условиях сумели испечь пироги, печенье. Ребятишки-школьники неуверенным детским почерком

выводили в письмах фронтовикам патриотические призывы.

Бригада синявских рыбаков под руководством Ивана Герасимовича Евтушенко на реке Средней за одно притонение поймала более пяти тонн донской сельди и несколько штук красной рыбы. Весь улов передали советским бойцам.

В середине мая в Ростове состоялся пленум обкома партии. После доклада секретаря обкома слово взял командующий 56-й Отдельной армией. Он подробно охарактеризовал обстановку на фронте. Всем нам стало ясно, что враг на юге готовится к новому наступлению. Перед райкомами партии, перед всеми коммунистами пленум поставил неотложные задачи. Предстояло убыстрить оборонительные работы, в сжатые сроки провести заготовки продовольствия и фуража, обеспечить мобилизационную готовность всех видов транспорта. Особое внимание пленум уделил воспитанию населения в духе постоянной бдительности. Участники пленума обсудили деятельность подпольных групп и партизан. На очередном заседании командирам, комиссарам и бойцам партизанских отрядов Неклиновского, Азовского и Александровского районов были вручены правительственные награды.

Вскоре после пленума я побывал на приеме у первого секретаря обкома партии. Б. А. Двинский тепло поздравил меня с боевой наградой.

— Вот это я понимаю, — оказал он. — Секретарь райкома с медалью «За отвагу». Хорошо, что крепко дружите с Красной Армией. Мне, кстати, известно, как ваши рыбаки на передовой уху фронтовикам варили. А молодежь, ваши комсомольцы такой концерт дали, что фашисты всполошились и открыли минометный огонь…

Мы перешли к обсуждению насущных дел. Я рассказал, что в районе по чекам-требованиям воинским частям выдано больше пятисот тонн зерна-фуража и до ста тонн муки. Пекарни выпекли для фронтовиков полсотни тонн хлеба. Население освобожденных сел и хуторов внесло десять миллионов рублей на создание танковой колонны.

Секретарь обкома просил передать благодарность от имени обкома партии и Военного совета армии всем, кто внес трудовые сбережения на строительство колонны.

Зашла речь о ходе полевых работ в прифронтовых колхозах. Я сообщил, что в колхозе имени Яна Фабрициуса колхозники засеяли свыше тысячи гектаров колосовых и подсолнечника. Хутор Водино — вблизи передовой, часто обстреливается врагом. Но женщины, пренебрегая опасностью, умудряются пропалывать подсолнечник. Всходы замечательные. Рассказал и о таком

случае. Немцы с утра, как обычно, открыли огонь по позициям наших войск. Мины залетали и на участок, где работали полольщицы. Они лишь перешли на другой клин и продолжали работать.

А однажды крестьяне убирали сено на лугу и увидели, как неподалеку падал объятый пламенем самолет. Летчик опускался на парашюте. Рассмотрев, что это немец, колхозники с вилами, граблями окружили его, разоружили и передали советским воинам.

Б. А. Двинский, медленно расхаживая взад-вперед вдоль своего длинного стола, оказал убежденно:

— Все, что делают наши люди в прифронтовой полосе и в тылу, в сельском хозяйстве и в промышленности, войдет в историю как беспримерный трудовой подвиг в борьбе с оголтелым врагом. И в неклиновских колхозах крестьяне быстро применились к военной обстановке. Сказывается, конечно, влияние коммунистов. Партия повседневно укрепляет в нашем народе веру в победу над захватчиками.

Секретарь остановился, что-то записал на календарном листке. Распорядился:

— Колхозников, которые пленили немецкого летчика, представьте к наградам. Это же геройство.

Лицо Бориса Александровича приняло озабоченное выражение.

— Готовьтесь к боевым делам, — оказал он. — По всему видно, немцы готовятся к новому наступлению. Вам необходимо удвоить бдительность. Враг за последние дни активизировал свою разведку, засылает целыми группами шпионов и диверсантов. Знаю, территория Неклиновского района — огромная. Луга, займища. Вам лучше известны все потайные места. Поэтому своевременно обезвреживайте вражеских лазутчиков. Еще раз пересмотрите явочные квартиры. Если вам придется воевать в тылу врага, то условия будут более сложными, чем в прошлом году. Особенно сейчас, когда ерики, протоки полноводны. С моряками держите крепкую связь. Куников — человек большой силы воли. Он показал себя настоящим командиром и на воде, и на суше. Встретишь его, передай сердечный привет. В обкоме, — секретарь взял в руки список, — для партизанских отрядов подготовлены портативные типографские машины и радиоприемники. Заберите, что для вас выделено.

Кончая разговор, Борис Александрович опросил:

— Ты на чем ездишь? «Козел» бегает?

— С резиной плоховато, — ответил я.

Он тут же распорядился выдать комплект скатов. Я

обрадовался. Теперь шоферу не придется часто клеить камеры.

Узнав, что первый секретарь направляется на оборонительные рубежи, я попросил его заехать и к нам в Синявку, в райком партии.

— Времени в обрез, — ответил Б. А. Двинский. — Не обещаю. А с вашими колхозниками рад бы повстречаться. Передай им большую благодарность за помощь фронту. Да скажи, чтобы на полевых работах вели себя поосторожнее, зря не рисковали…

По пути из Ростова в райком я обдумывал наш разговор с секретарем обкома партии. Его высказывания о предстоящих боях настораживали, беспокоили.

К концу июня 1942 года на южном крыле советско-германского фронта создалось напряженное положение. Появилась угроза прорыва противника на воронежско-сталинградском и ростовско-кавказском направлениях. 28 июня немецко-фашистские войска перешли в наступление на воронежском направлении. Противник в районе Воронежа вышел к Дону. Немецко-фашистские войска перешли в наступление на Кантемировку и Миллерово. 1-я танковая армия противника в это время нанесла удар из Донбасса, в стык между Юго-Западным и Южным фронтами. Войска Юго-Западного фронта не выдержали мощных вражеских ударов и отошли на восток за Дон. Между двумя фронтами образовалась брешь, в которую устремились танковые соединения гитлеровцев.

В начале июля вражеская авиация все чаще бомбила Ростов. Особенно настойчиво немецкие самолеты рвались к железнодорожному мосту через Дон. Немало налетов совершили они и на Батайск.

Перед донским отрядом Азойской военной флотилии под командованием Куникова стояла задача быть готовым к боевым действиям на суше и к обороне морских сообщений. Моряки хорошо воспользовались временным затишьем на фронте и усилили вооружение катеров. Часть судов находилась у причалов Синявского рыбозавода. При участии кузнецов-колхозников моряки покрыли броней наиболее уязвимые места катеров, установили на судах зенитные пулеметы и минометы.

В колхозной кузнице вместе с местными рабочими Цезарь Львович нередко сам трудился у горна. Панфилов, бригадир слесарей колхозных мастерских, при встречах с ним поторапливал освободить кузницу для ремонта жаток-лобогреек.

— Пшеничка почти подошла, а косить пока нечем, — говорил он Куликову. — Немец бомбежку усилил. Вчерашнего дня ухнул в поле бомбой, так пшеница загорелась. Пришлось тушить, трактором опахивать. Скорее бы скосить пшеницу да обмолотить.

Молотилку тоже ремонтировать надо. Девять лет без дела стояла, а теперь пригодилась. Комбайнеры-то в армии…

— Все будет готово к сроку, — успокаивал его Куников. — Кузницу освобождаем. В нашем отряде есть краснофлотцы, знакомые с колхозной техникой. Пришлю вам помощников.

Летом 1942 года рыбаки вели массовый лов рыбы. Они заботились о фронтовиках и тружениках тыла.

Дыхание войны становилось все жарче. С передовой шли тревожные вести. В полевой госпиталь в Синявке поступало все больше раненых. На помощь медицинскому персоналу пришли женщины села. Все грознее становились раскаты артиллерийской стрельбы.

17 июля из обкома партии поступило указание — без промедления начать эвакуацию населения в восточные районы области.

Враг наступал в юго-восточном направлении. Гитлеровцы вышли к середине июля силами 4-й танковой и 6-й армий в район Миллерово. 1-я танковая армия врага вышла в район Ворошиловграда, 17-я армия начала наступление с рубежа реки Миус на Ростов.

Войска Юго-Западного фронта к середине июля отошли за Дон. Войска же Южного фронта отражали атаки противника с востока, севера и запада. Они стремились сдержать наступление врага, имевшего численное превосходство на рубеже рек Северский Донец и Миус.

Поздно вечером ко мне зашел Трофим Иванович Панфилов. В руке зажата старая кепка, седоватые брови насуплены, на глазах слезы. Сел, сказал глухо:

— Горит степь. А на бригадном стане — в полной готовности тракторы, молотилка.

Мы вышли на крыльцо. Вдали небо освещали красноватые всполохи. Возле нас скрипели подводы, слышались детский плач, голоса женщин. В небе раздавалось хищное урчание «хейнкелей», немецких бомбардировщиков, державших курс на Ростов.

— А все-таки выдюжим, — убежденно сказал я, отвечая собственным мыслям.

— Не об этом я веду речь, Александр Пахомыч, — откликнулся Панфилов. — У фашистов кишка тонка одолеть Россию. Сообщения с фронта печалят меня.

На печали нам войной времени не отпускалось. Мы тут же решили с Панфиловым как можно быстрее вывезти из-под удара врага технику колхоза.

К утру село опустело, Ушли последние штабные машины. За околицей в рассветных сумерках тревожно дышала разбуженная

орудийным гулом, опаленная пожарам степь. Последними покинули Синявку партизаны. Отряд уходил в плавни.

Вскоре я, Рыбальченко и Куринков в штабе моряков встретились с Куниковым. Цезарь Львович сидел в своей комнатке за столом. Рядом на кровати, прикрытой плащ-палаткой, лежала карта. Непривычно небритое лицо командира выглядело усталым, но глаза смотрели зорко, с обычной лукавинкой. Он вышел нам навстречу, пожал руки и сказал:

— Так вот, товарищи, боевая обстановка вам знакома. Райком снова в плавнях? — пошутил он, обращаясь ко мне и добавил: — Крепче держи партийную инициативу, секретарь!

Моряк склонился над картой:

— Сейчас от устья Дона по восточному берегу Азовского моря, Керченского пролива и дальше занимают оборону войска Северо-Кавказского фронта под командованием Маршала Советского Союза Семена Михайловича Буденного. Черноморскому флоту и Азовской военной флотилии приказано помогать наземным войскам в обороне побережья и не допускать высадки вражеских морских десантов. Наш отряд получил распоряжение отойти к Чембур-косе. — Куликов понизил голос: — Я дважды обращался к своему командованию за разрешением оставить отряд в плавнях. Отказали.

Мы с Рыбальченко переглянулись. Партизаны теряли надежных боевых друзей. Позже нам стало известно, что Куников, обращаясь с такой просьбой, выражал желание всех моряков. Бойцам отряда, успевшим узнать в этом районе каждый уголок, пользующимся братской поддержкой населения и партизан, не хотелось оставлять дельту Дона. Куников выдвинул план внезапного удара из плавней в тыл вражеской переправе. Он надеялся вместе со своим отрядам остаться в тылу немецко-фашистских войск, но добиться этого ему не удалось.

Несмотря на то, что моряков и партизан отделяло большое расстояние, мы обсудили возможные совместные боевые действия, обдумали средства связи. Тут же решили подготовить гитлеровцам на островке «сюрприз»: в подвал под домом подложить заряд и взорвать его, когда немцы проникнут в помещение. В виде приманки оставляли пианино.

— Что, старина, не жалко тебе инструмента? — опросил Цезарь Львович у Куринкова. — Устроим концерт фашистам?

— Обеспечим гроб с музыкой, — хмуро ответил Петр Федорович.

Совместно мы обсудили, где лучше базировать партизанский отряд, места размещения запасных баз. Куников рассказал, как, по его мнению, надо действовать при взрыве баркасов с горючим,

перегородивших Дон близ хутора Рогожкино.

В конце июля на участке Миусского фронта создалось тяжелое положение: враг, сосредоточив большие силы, перешел в наступление. 24 июля наши войска оставили Ростов и отошли за Дон.

Через два дня под вечер в устье Дона вошел немецкий разведывательный катер. Он осторожно причалил у «Комитета донских гирл». На островок высадились гитлеровцы с овчарками на поводу. Немцы обошли вокруг дома, походили по островку и вернулись на катер. Взлетели две зеленые ракеты — по-видимому, разведчики давали знать, что островок осмотрели, опасности нет.

Вражеский катер заспешил вверх по Дону. Как только он скрылся из виду, партизаны пересекли речку Егурча и залегли на островке в густых зарослях, где находилась подрывная машинка.

Вскоре в сгустившихся сумерках к причалу со стороны моря подошли два сейнера. На одном из них вспыхнул прожектор. Яркий луч заскользил по кустам, траве, деревьям. Не обнаружив опасности, команды отшвартовали суда. На берегу послышались голоса. Говорили на немецком языке и по-русски. Ко мне подползли Леня Сидоренко и Ваня Ющенко. Леня прошептал возбужденно:

— Товарищ комиссар, мы по голосу узнали Зубкова и Чуднова, предателей из Синявки.

Я приказал молодым партизанам занять свои места и ждать сигнала.

Мы слышали, как атаман Зубков советовался с полицаями, где забросить сеть, чтобы из разнорыбицы сварить уху. Вслед затем из распахнутой двери дома сиплый голос прокричал:

— Сообщите господину коменданту, что здесь есть исправное пианино!

В дом вошла группа немцев. Я невольно затаил дыхание. Оглушительной силы взрыв потряс все вокруг. С верб в темное небо поднялись стаи грачей Машинка в руках подрывника Сидоренко сработала безотказно. Прозвучала партизанская команда: «Действовать!»

С возгласами «Смерть фашистам!», «Бей предателей!» бойцы нашей группы ринулись на врагов. На сейнеры полетели гранаты, там начались пожары. Метким огнем почти все гитлеровцы и пособники были уничтожены. Лишь немногим удалось спастись вплавь.

После жаркой схватки мы услышали приглушенные расстоянием автоматные очереди, разрывы гранат. Это выше по реке действовала вторая группа партизан. В одном из ериков

народные мстители столкнулись с разведывательным катером фашистов. Бойцы Александр Рымарь и Константин Голоснов без промаха забросали катер гранатами: с десятью гитлеровцами и их овчарками было покончено в несколько минут.

С каждым днем борьба нашего партизанского отряда с немецко-фашистскими захватчиками в плавнях Приазовья становилась все более ожесточенной. Партизаны уничтожали живую силу врага, топили его катера, истребляли пособников оккупантов.

Вскоре после своего появления в дельте Дона немцы направили вверх по реке к Ростову большую труппу сейнеров и катеров. Вблизи хутора Рогожкино на них обрушился вал огня. Пылали баркасы с нефтью, подожженные партизанами. Суда врага долго не могли преодолеть этот барьер.

Фашисты с помощью предателей усилили прочес займищ. В первых числах августа отряд столкнулся с засадой. В ожесточенном бою в районе Борисовского сада погибли смертью храбрых Александр Рымарь, Леня Сидоренко и Ваня Ющенко.

Положение отряда с каждым днем ухудшалось. Разведка сообщила, что фашисты подготавливали облаву значительными силами. В ночь на 5 августа отряд перебазировался в более потайное место — Зеленков Кут. Но к исходу дня нас враги все-таки окружили.

Партизаны приняли неравный бой. Они умело использовали купины, прибрежные яры и заросли. Меткие пули народных мстителей сразили больше сотни захватчиков. Партизанам удалось вырваться из окружения. Отряд, понеся потери, ушел от разгрома. Мы вынесли раненых, сбили фашистов со следа. Но нельзя было оставаться в плавнях.

Мы неоднократно слышали о смелых действиях куниковцев в Азовском море. Их катера базировались в районе Таманского полуострова. Приняли решение: идти на соединение с нашими побратимами — моряками.

…Ночь. Мы плывем навстречу неизвестности. Дует встречный низовой ветер. Гребцы налегают на весла. На душе тяжело. Покидаем родные места, могилы погибших товарищей.

Я окинул взглядом плавни. Там, где почти вплотную подходят они к Синявке, виднелись языки пламени. Горели колхозные постройки и хаты, подожженные врагом. При виде нового злодеяния гитлеровцев руки невольно сжимали оружие.

Подумалось: найдутся и в Синявке патриоты, которые продолжат борьбу с ненавистными захватчиками. А позже я узнал, что под руководством члена райкома ВЛКСМ Аркадия Панфилова синявские комсомольцы создали подпольно-

диверсионную группу. По заданию районного комитета партии и военного командования панфиловцы вели агитационную работу среди населения, собирали сведения о противнике, совершали смелые диверсии.

С помощью старших товарищей по подполью молодые мстители казнили синявского атамана, приспешника гитлеровцев, Павла Зубкова, а затем взорвали железнодорожный мост через реку Морской Чулек. В результате взрыва более двух недель фашисты не могли подвозить по железной дороге войска, боеприпасы и другие грузы на участке Таганрог — Ростов.

Укрываясь в пещерах Синявки, юные подпольщики наносили удары по врагу…

А. Т. Панфилов — руководитель комсомольского подполья в с. Синявке

В море вспыхивали сигнальные огни. Гребцы то и дело смачивали уключины, чтобы они не скрипели.

Изредка командир на переднем баркасе — дубе, накрывшись плащ-палаткой, припадал ко дну и при свете фонарика сверял курс по карте и компасу.

Светало. Нервы напряжены: что-то принесет нам наступающий день? Море пустынно… На горизонте обозначилась точка. Она увеличивалась. Подана команда приготовиться к бою.

Партизаны, приподняв над водой весла, взялись за автоматы.

В гранаты вставлены детонаторы. Стало совсем светло. И без бинокля видно — на сближение с нами идет катер.

С катера подан сигнал: свои, куниковцы! Катер взял наши баркасы на буксир и поспешил к месту стоянки.

На, берегу в штабе моряков с распростертыми объятиями нас встретил Цезарь Львович.

Куников познакомил нас с обстановкой. Его отряд реорганизовали в Отдельный 305-й батальон морской пехоты. Куников предложил партизанам влиться в ряды батальона. Мы с радостью согласились. 18 августа из партизан сформировали разведывательный отряд. Командиром отряда назначили Рыбальченко, а меня — комиссаром.

На Тамани

Красная Армия вела тяжелые оборонительные бои на кавказском направлении. Войска Северо-Кавказского фронта обороняли восточное побережье Азойского моря и Таманский полуостров. Черноморскому флоту и Азовской военной флотилии приказывалось помогать наземным войскам в обороне побережья.

Ключом к Таманскому полуострову являлся портовый город Темрюк. На подступах к городу, в районе совхоза «Красный луч», наш батальон и занял оборону. Передо мной Куников поставил задачу — побывать в ближних станицах и хуторах, разузнать у местных жителей о тропинках в плавнях, а заодно добыть транспортные средства и продовольствие. Рыбальченко приводил отряд в полную боевую готовность.

Мы с Петром Федоровичем направились в ближайший колхоз. Председателя колхоза и секретаря партийной организации, на чью помощь мы рассчитывали, на месте не оказалось. Как потом выяснилось, они по поручению райкома партии руководили созданием продовольственных баз для партизанского отряда. В поле мы разыскали заместителя председателя, пожилого казака. На полевом стане полным ходом шла работа. На току и транспортировке зерна трудились подростки, женщины и старики. Они успели приспособиться к военной обстановке, вырыли щели и укрывались в них от бомбежек.

На току возвышались горы зерна. На ручных веялках женщины очищали пшеницу. Тут же, во дворе бригады, стояло до десятка подвод с домашним скарбом. На них виднелись клетки с

живой пищей. Между подводами бегали дети. Колхозники подготовились к эвакуации. Они второй день ожидали обещанную баржу под зерно и тревожились за судьбу урожая.

Ко мне подошел сгорбленный старик с окладистой бородой, спросил:

— Вчерашнего дня от нас пехота ушла. Скажи, товарищ командир, к чему бы такая спешка. Красноармейцы в наших местах с весны стояли, помогали нам.

Я ответил, что воинскую часть, наверное, перевели на другой участок фронта. Оборонительный рубеж заняла морская пехота. Если потребуется, моряки будут защищать Тамань, не щадя своей жизни.

К нам подошли другие колхозники. Завязалась беседа. Среди станичников оказались бойцы времен гражданской войны, участники легендарного похода Таманской армии. Я рассказал им, как проходила эвакуация в западных районах Ростовской области. Старики, в свою очередь, поделились опытом партизанской борьбы в местных плавнях, сообщили о потайных тропах в зарослях камыша.

За время нашей беседы Петр Федорович успел побывать на центральной усадьбе колхоза. Рядом, во дворе машинно-тракторной станции, он обнаружил исправные автомашины-трехтонки, но без скатов. Заведующий складом пообещал ему достать и резиновые камеры, и покрышки. Автомобили нужны были Куникову для создания «летучей батареи». На автомашинах устанавливались легкие орудия.

Мы вернулись в батальон на пароконной бричке с мукой, картошкой, маслом, салом, живой птицей. Куринков пристроил у передка даже живого барана. Колхозники ничего не пожалели для своих защитников.

К середине августа наступление немецко-фашистских войск на Северном Кавказе было остановлено, но обстановка на этом направлении по-прежнему оставалась весьма напряженной. Значительное количественное превосходство в танках и авиации еще позволяло противнику создавать на отдельных направлениях сильные ударные группировки. 17-я немецкая армия готовилась наступать из района Краснодара на Новороссийск, овладеть им и развивать наступление вдоль Черноморского побережья на Батуми. Вражескому армейскому корпусу, сосредоточенному на Керченском полуострове, предстояло форсировать Керченский пролив и захватить Таманский полуостров.

На исходе дня 20 августа командир батальона созвал служебное совещание. Куников сообщил нам, офицерам, что противник перешел в наступление. Его пехота наносила удар в

направлении станицы Крымской, а две кавалерийские дивизии нацелены на Темрюк. Задача батальона состояла в том, чтобы не пропустить врага на своем участке обороны, отбить атаки кавалерии.

22 августа с утра начался неравный бой. К этому времени в батальон пришло пополнение из других дивизионов Азовской военной флотилии. Все военное снаряжение, снятое с катеров, передавалось в подразделения. В каждой роте насчитывалось по десять-пятнадцать пулеметов. И все же силы врага в несколько раз превосходили наши.

Противник решил смять оборону морской пехоты лихой кавалерийской атакой. Над стремительной лавой сверкали на солнце клинки. Куников находился на командном пункте роты. Он и комиссар Никитин своим присутствием вдохновляли бойцов, припавших к земле, замерших в ожидании команды.

В наскоро вырытых окопах бок о бок изготовились к бою москвичи, ленинградцы, сыны донских степей. С ними и вчерашние партизаны. Взгляд каждого стрелка, каждого пулеметчика через прорезь прицела устремлен на врага, под рукой — гранаты. И от жары, и от нервного напряжения дышалось тяжело. К комбату подбежал связной. До меня донеслось: «Подкрепления пусть не ждут!» Связной вместе с бесстрашным адъютантом Леонидом Хоботовым скрылся в кустах.

Конная лава достигла заранее пристрелянного рубежа. Застучали наши пулеметы, ударил ружейный залп, за ним второй… Видно, как падают лошади, перебрасывая через себя всадников. Конная лава сбилась, перепуталась. А огонь по атакующим все точнее, все яростнее. Теперь враг тоже отвечает огнем. Позади роты, в саду совхоза «Красный луч», рвутся снаряды. Над головами воют мины. На правом фланге небольшой высотки вырвался веер пуль — заговорил фашистский пулемет. Но атака уже сорвана. Конница в беспорядке мчится обратно.

Наступила передышка. Стрелки углубили окопы, подправили маскировку. Куников и Никитин обошли роты, похвалили бойцов за выдержку, за точную стрельбу.

Трое суток батальон усталых, забывших о сне и отдыхе людей удерживал свои позиции, отбивал каждодневно по нескольку вражеских атак.

25 августа, выполняя приказ, батальон занял новый рубеж обороны в районе Казачьего ерика — хутора Белого.

На прощание я обошел позиции у совхоза «Красный луч». Близ опустевших окопов в молодом саду легкий ветерок шевелил иссеченные ветки деревьев. Тонкие стволики белели ранами, сильно поредела листва.

Изуродованный сад молчаливо свидетельствовал о том, что вынесли, вытерпели наши бойцы в неглубоких, поспешно вырытых окопах. На позиции батальона фашистское командование бросило, помимо румынских кавалерийских частей, три полка немцев: два пехотных и артиллерийский. Батальон оказался в окружении. И только узкая полоска берега степной речки соединяла нас с тылом. По этой тропе ночами нам доставляли патроны, мины, подносили еду. Не раз пробирался по ней Куников, чтобы осмотреть позиции, дать указания, а главное, побеседовать с бойцами, приободрить их.

— Окружением слабосильных пугают, — однажды говорил он бойцам. Говорил спокойно и уверенно, пережидая грохот разрывов мин и снарядов. — Полезут фашисты с тыла, попадут под шквальный огонь второй роты. Оправа навалятся — первая рота их огнем изничтожит. Ну, а если полезут на участок вашей третьей роты — полная мощь огня! Крепче держитесь, товарищи!

И морская пехота держалась. Одна за другой накатывались на позиции батальона волны атак и разбивались о мужество куниковцев. Вражеские трупы устилали поле боя. Убитые лежали без оружия. Их пулеметы, автоматы перешли в умелые руки наших бойцов и действовали безотказно.

Потом батальон занял новый рубеж. Передний край обороны проходил по окраине кукурузного поля, петлял близ береговых обрывов. Враг рвался к Темрюку с яростью одержимых. Чаще применял психические атаки, стремился сломить душевные и физические силы защитников города.

В те дни Куников, которому присвоили звание майора, так напутствовал бойцов:

— Не нервничайте, ближе подпускайте. Они в атаке орут, пьяной ордой лезут: нам, мол, все нипочем! А вы их по-морскому: топай, топай, а я обожду. Молчите и поджидайте. Вот когда они дойдут до груды трупов таких же бандитов, открывай огонь. Пусть даже одного убьешь, а десяток назад побежит.

Батальон отражал все атаки — и психические, и обычные. Как только сильный артиллерийский огонь сменялся минометным, бойцы знали: должны показаться вражеские цепи. Гитлеровцы наступали с перекошенными лицами, что-то кричали, подбадривали себя. Моряки отвечали им грозным молчанием, как велел командир. И лишь в момент подхода врага к рубежу, где лежали почерневшие трупы, куниковцы открывали прицельный огонь. Словно морской шквал бушевал на поле боя. И пьяные озверелые захватчики отступали. «Трижды коммунистами», «черными дьяволами» прозвали враги морских пехотинцев в жестоких боях на Таманском полуострове.

Утром 28 августа на окопы первой роты двинулась немецкая пехота. Вражеские автоматчики еще с вечера подобрались к переднему краю обороны. Моряки, как всегда, подпускали гитлеровцев поближе и расстреливали их в упор.

Морякам удалось установить на автомашинах крупнокалиберные зенитные пулеметы и 45-миллиметровые орудия, одели броней наиболее уязвимые места. Такие импровизированные самоходные артиллерийские установки неожиданно для врага появлялись на переднем крае, прямой наводкой расстреливали огневые точки противника, затем быстро меняли позиции и снова били по фашистам.

Батальон отражал одну атаку за другой. Артиллерийский огонь противника сменялся минометным, а затем нее снова и — снова надвигались вражеские цепи. Свыше тысячи немцев и румын атаковали позиции морских пехотинцев.

Пригибая голову под пулями, на командный пункт батальона пришел командир первой роты, офицер Куревич.

— Разрешите, товарищ майор, — обратился он к Куникову, — контратаковать врага. А то гады-фашисты вою душу вымотали. Рота рвется вперед.

— Согласен, — ответил комбат. — Контратакуем всем батальоном. Ждите сигнала.

По сигналу комбата поднялись бойцы первой роты, за ними, как один, красноармейцы второй роты, весь батальон. С яростным кличем «Полундра! Смерть гадам!» неудержимо покатилась по полю человеческая волна. Фашисты дрогнули, стали отступать, потом беспорядочно побежали, бросая конные повозки, автомашины, зенитные орудия, устилая землю сотнями убитых и раненых. Среди трофеев в тот день батальон захватил немало автоматов и несколько пулеметов. Важный опорный пункт — хутор Белый — по-прежнему остался недосягаемым для врага.

Основные силы Северо-Кавказского фронта, остановившие наступление немецко-фашистских захватчиков в предгорьях западной части Главного Кавказского хребта, прикрывали туапсинское и новороссийское направления. Наиболее слабо прикрывался Таманский полуостров — там оборонялись лишь небольшие части морокой пехоты и тыловые подразделения военно-морских баз. Моряки упорно защищали каждый оборонительный рубеж, каждую позицию. В непрерывных боях, нередко переходивших в рукопашные схватки, они наводили ужас на фашистов.

Отдельный 305-й батальон морской пехоты оборонял важные участки: у совхозов «Красный луч», «Красный Октябрь», у станиц Курганской и Вышестеблиевской, у хуторов Красный Стрелок,

Белый и Думчинский. Сражаясь бок о бок со знаменитым батальоном Вострикова, наш батальон отражал в день по шесть, а то и по восемь атак противника, несмотря на его значительное превосходство в силах. Цезарь Львович так рассказывал в письме другу об этих боях:

«От Азова до Тамани, с боями пять раз выходя из окружения, шли мы на наших маленьких катерах. Шторм 6, 7, 9 баллов. Часть людей утонула. Большинство выдержало. Затем меня назначили командиром батальона морпехоты… Сутки дали на формирование, а через 16 часов бросили в бой. Мы приняли бой с дивизией, и она не прорвала нашей линии. Нас два батальона морпехоты — один под командованием Вострикова, другим командую я — обескровили две вражеские дивизии. Тогда им на помощь дали еще две дивизии. Мы отходили только то приказу.

В огне росла боевая слава батальона. Я найду и пришлю тебе флотские газеты со статьями о нас. Оказалось, что я способный пехотный командир. Думаю, это главное в нашей моряцкой „пехотной неграмотности“, ибо нам совершенно все равно: идет ли на нас батальон, полк или дивизия… Мы шли тем же путем, где шел „железный поток“ (помнишь Серафимовича), но его путь был легче. Мы теряли десятки — уничтожали тысячи».

Куниковцы не только оборонялись. Им не раз приходилось дружной контратакой сметать вражеские ряды, на плечах отступающих врываться в расположение неприятеля, сеять ужас и панику среди гитлеровцев. Им доводилось преследовать врага то верхом на трофейных лошадях, то на немецких мотоциклах, захваченных в ходе боя.

Однажды мы с комиссаром батальона Василием Петровичем Никитиным обсуждали, откуда куниковцы берут силы, чтобы вести ожесточенные бои, длившиеся сутками, выдерживать безропотно многодневное пребывание под зачастившими дождями в сырых низинах, лиманах, камышовых зарослях.

— Такими наших бойцов воспитали партия, комсомол, воспитала Советская власть, — убежденно сказал Никитин.

А я подумал: «И такие люди, как наш комиссар».

В то время как Куников руководил боевыми действиями батальона, Никитин больше находился в ротах и взводах. Его встречали среди моряков днем и ночью, в ходе боя и в часы затишья. Внешне спокойный, уравновешенный, он нередко появлялся в траншеях в самый разгар боевой схватки, на самом тяжелом участке обороны. Одних, бывало, ободрит, других похвалит, а то и поможет принять решение командиру. Бойцы любили его беседы — немногословный, откровенный разговор. Батальонного комиссара Никитина, верного друга комбата,

уважали, его распоряжения выполняли с особым рвением.

…На Тамани моряки сменили флотское обмундирование на армейское. Черные бушлаты и бескозырки являлись мишенью для немецких снайперов. Лишь полосатые тельняшки синели на груди морских пехотинцев, напоминая о флоте. Надели прославленные тельняшки и партизаны.

Мне радостно сознавать, что наши станичники ни в чем не уступали морякам: ни отвагой, ни боевым мастерством. Парни из донских и приазовских станиц и хуторов достойно носили звание морских пехотинцев, наводивших страх на немецко-фашистских захватчиков.

Помнится такой эпизод. Утром на позиции первой роты двинулась немецкая пехота. Группа вражеских автоматчиков подобралась близко к переднему краю нашей обороны и засела в укрытии. Их огонь не давал возможности высунуть голову из траншеи. Тогда командир вызвал трех бойцов: моряка Колесникова, донцов Константина Голоснова и Владимира Мовцесова.

Голоснов и Мовцесов в нашем партизанском отряде научились незаметно подбираться к врагу, нападать на него стремительно, метко поражать противника огнем из автоматов и гранатами. Командир роты не случайно включил их в тройку храбрецов, перед которой стояла задача уничтожить немецких автоматчиков.

Бойцы умело использовали неровности местности. Прижимаясь к земле, они почти вплотную подползли к фашистам с флангов. Стремительный бросок, точный огонь, несколько метко брошенных гранат — и группа немецких автоматчиков перестала существовать. Рота смогла успешно отразить вражескую атаку.

В том же трудном бою под станицей Курчанской в первой роте отличился старшина Сероштан, дружески прозванный «матросом с Кубани». Весельчак, балагур, находчивый и ловкий, он оказался способным разведчиком. Ночью, в недолгие часы затишья, подбирался к вражеским позициям, добывая ценные сведения о противнике.

Однажды старшина снял с убитого немца полевую сумку. Среди прочих вещей в сумке оказалась объемистая тетрадь, исписанная мелким почерком. Командир роты Куревич раскрыл тетрадь на последних страницах и вслух прочитал:

— «Нас торопили вперед, на восток. Мы прошли донецкие степи, форсировали большую русскую реку Дон, но задержались на Кубани, особенно на Таманском полуострове. Русские матросы сражаются превосходно. Нам неоднократно офицеры разъясняли: скоро откроется ближайшая дорога к знаменитой бакинской

нефти. Затем нас ждет Ближний Восток, а там — Индия. С Красной Армией вскоре будет покончено. А мы все идем, оставляя на бескрайних полях России неисчислимое количество солдат.

Русские не теряют боевого духа. Наоборот, чем дальше мы уходим в глубь этой непонятной страны, тем испытываем большее сопротивление. Нам много говорили, что Россия — дикая и нищая страна. Почему же на пути такие богатые города и станицы? Наш командир, наверно, по рассеянности сказал: „Одна только Кубань прокормит всю Германию“.

Что за народ, эти русские? В селах и станицах мы встречали совсем мало жителей. Недавно в занятом кубанском селе нашли только одного старика. Привели его к офицеру. Переводчик спросил, куда девалось население. „Все ушли. Кто в горы, кто в плавни, — ответил старик, — а я дряхлый. Остался в родном курене“.

Старик в свою очередь поинтересовался, что мы за люди, куда держим путь. Офицер ответил так, словно перед ним стоял не старец, а тысяча жителей. Голос его звучал громко и властно:

— Россия у наших ног. Мы ее завоевали. Скоро падет Кавказ. Мы — властелины мира!

Старик спокойно сказал:

— Ох, много вам еще дела. Хватит ли силенки?

Офицер не понял: что это — сочувствие или насмешка. Он гневно посмотрел на старика, ответил:

— Великий фюрер нас доведет до цели. Немцы покорят весь мир!

— А кто этот фюрер? — опросил казак.

— Ты старый дурак! — выкрикнул офицер. — Фюрер — великий полководец и наш учитель.

Старик начал говорить что-то такое, от чего переводчик изменился в лице.

— Старец, видимо, не в своем уме, — объяснил переводчик. — Он сказал: перед войной в их село забрел пьянчужка. Кого обворует, кого обманет. Казаки прозвали его „фраером“, а проще — жуликом. Он допился до смерти… А у немцев, говорят, „фраер“ вроде царя.

— Довольно! — крикнул офицер и разрядил свой кольт в старика.

Черт их поймет, этих русских матросов: люди они или дьяволы?! Вчера на нашем участке они захватили пулемет и тут же обратили трофей против нас. Их крик „Полундра!“ разрывает сердце. — Это верная смерть. Скорее бы вернуться в родные края, на наш прекрасный Рейн».

— Фашистов ожидает не Рейн, а могила на русской земле, —

сказал старшина Сероштан, когда командир закончил чтение. В ответ вокруг одобрительно зашумели…

29 августа гитлеровцы начали наступление на позиции батальона с двух сторон — от хуторов Белый и Стрелка. Враг ввел в бой большие силы, во много раз превосходившие наши. В наступление пошли танки. Гитлеровцы, видимо, решили во что бы то ни стало прорвать оборону советских войск, но встретили исключительно мужественное сопротивление. Майор Куников и батальонный комиссар Никитин в ходе боя появлялись там, где было особенно трудно. Батальон без приказа не отступил и на этот раз.

В конце августа, в разгар боевых действий на Тамани, командующий Северо-Кавказским фронтом Маршал Советского Союза С. М. Буденный прислал морякам телеграмму, в которой говорилось: «За героизмом, проявленным личным составом морской пехоты, следит вся страна, как в свое время следили за героями Севастополя. По данным разведки, вы уничтожили до 80 % состава немецкой моторизованной дивизии…»

Вскоре мы горячо поздравили Цезаря Львовича Куникова с высокой наградой — орденом Александра Невского.

Несмотря на массовый героизм советских воинов, значительное количественное превосходство в силах позволило противнику преодолеть сопротивление наших войск, с 1 сентября прорваться к Черноморскому побережью в районе Анапы и изолировать от основных сил фронта части морской пехоты, которые вели бои на Таманском полуострове. Защитники полуострова оказались в чрезвычайно тяжелом положении. Но они по-прежнему упорно защищали каждый оборонительный рубеж.

Куниковцы наносили врагу значительный урон, но и сами несли потери. В первой роте пали смертью храбрых бойцы Колесников, Готоулин, старшина Сероштан. В бою получил тяжелое ранение батальонный комиссар Никитин.

Батальон получил приказ отойти и занять оборону в районе Курган — Шаповаловка — озеро Яновское. 2 сентября на позиции батальона обрушились удары вражеской авиации, в атаку ринулись танки. Создалась угроза окружения. В такой критической обстановке особенно нельзя допускать панические высказывания. Я решил обратиться к Куникову.

— Дело серьезное, — оказал он, выслушав мои опасения. — Кое-кто в ротах уже поговаривает: «Мы в западне, обреченные». С таким настроением надо бороться. — Цезарь Львович вздохнул: — Идите в роты, во взводы, беседуйте с бойцами, воодушевляйте их…

После разговора с Куниковым, мы, пять штабных офицеров-коммунистов, отправились в самое пекло боя. У каждого — запасные диски к автоматам, гранаты, свежие газеты.

Я прибыл в первую роту. Она геройски отбивалась от вражеской пехоты, которую поддерживали танки и артиллерия. Мы с Кожевниковым, заместителем командира роты по политической части, переползали из окопа в окоп, в минуты затишья накоротке беседовали с бойцами. В моих руках оказался номер газеты «Красная звезда», в котором сообщалось о славных подвигах черноморских моряков в боях с фашистской ордой на Таманском полуострове. Читал бойцам корреспонденцию, объяснял, что за нашими подвигами восхищенно следит весь советский народ. Говорил и о том, что в критический момент нам подадут руку помощи, не оставят в беде. Во время очередной атаки врага приходилось прерывать беседу, браться за автомат, пускать в ход гранаты.

Наши беседы не прошли бесследно. Настроение у бойцов поднялось. Они по-прежнему горели одним желанием: бить немецко-фашистских захватчиков до полной победы. Батальон стоял насмерть и не отступил ни на шаг.

3 сентября гитлеровцы начали переправлять из Крыма на Таманский полуостров две дивизии. Они стали теснить малочисленные части морокой пехоты. Морякам пришлось отражать атаки противника с двух сторон — с востока и с запада.

Поздним вечером 5 сентября Куников созвал срочное совещание. По возбужденному лицу майора мы определили: произошло что-то важное.

— Так вот, товарищи, — сказал комбат, открывая совещание. — Враг занял город Тамань. Мы отрезаны от своих войск. Перспектив на получение подкрепления в нынешней обстановке нет. По соображениям военной целесообразности командующий фронтом приказал оставить Таманский полуостров.

Командиры нахмурились, помрачнели. Куников возвысил голос:

— Перед нами поставлены задачи, достойные героической морской пехоты: не допустить наступления немцев вдоль Черноморского побережья… А на Таманский полуостров мы еще вернемся!

Батальон грузился на суда под покровом ночи. Мне довелось отплыть на последнем катере: задержался из-за осмотра оставленных позиций. В темноте быстро растаяли очертания Бугасской косы, последнего нашего рубежа. За кормой вздымались белые гребни волн. Мы держали курс на Геленджик. Навстречу новым боям.

У стен Новороссийска

Катер вошел в Геленджикский порт туманным утром. Свинцово-синие тучи опускались с гор, плыли над морем. На волнах у причалов покачивалось множество судов, доставивших войска с Таманского полуострова. После Тамани здесь было тихо.

Потом уже с Толстого мыса послышался сигнал воздушной тревоги: со стороны моря на порт заходили немецкие бомбардировщики. Яростно застучали зенитные орудия. Неподалеку взметнулись фонтаны воды — фашисты сбросили бомбы, но никто, кажется, не пострадал.

Мы с Николаем Прокофьевичем Рыбальченко направились в политотдел Новороссийской военно-морской базы. Проходя пустынными улицами, я мысленно представлял Геленджик довоенный, каким он запомнился мне. Город-курорт, где на пляжах, в садах и парках не умолкал смех отдыхающих, играла музыка, кружились танцующие пары. А сейчас санатории, дома отдыха, с заколоченными дверями, казались заброшенными строениями, давно покинутыми людьми.

Политотдел базы размещался в полуразрушенном здании. Работники политотдела сошлись в небольшой комнате вокруг стола, на котором лежала развернутая карта. Они обсуждали обстановку на фронте. Моряки встретили нас радушно. Мы

узнали от них, что противник, получив подкрепление из Крыма, продолжал атаки против войск левого крыла Черноморской группы. Создав сильную ударную группировку, фашисты развернули наступление из района Анапы на Новороссийск. На ближних подступах к Новороссийску шли ожесточенные бои.

С тревогой в сердце мы поспешили в свою воинскую часть. Командный пункт батальона находился у самого берега моря, в отдельном доме. На просторном дворе под деревьями группами сидели бойцы и чистили оружие. Несколько отделений успели установить палатки и сделать в них настил из сухих листьев и морской травы.

Майор Куников переходил от одной группы к другой, оживленно беседовал с моряками. Завидев нас, он подошел к нам. Обнял, забросал вопросами о последних часах пребывания на Тамани, о переходе морем.

— Под Новороссийском предстоит сражаться с врагом, — говорил он озабоченно. — А времени на подготовку к боям — в обрез. Побольше бы автоматов. Обмундирование у бойцов пообносилось, плохо с обувью. Кое-что мы, правда, получили. Командование обещает еще помочь, да не в ближайшие дни. Придется организовать ремонт обуви своими силами.

Подошел ординарец майора с кувшином воды и полотенцем. Куников попросил извинения и начал умываться. Мокрые пряди волос упали на его виски. Он вытирался и говорил:

— Сейчас бы нам в баньку, Александр Пахомович…

7 сентября батальон подготовился к маршу на автомашинах под Новороссийск. Куников проверял, все ли погружено. Завыли сирены, подавая сигнал воздушной тревоги. Комбат начал руководить рассредоточением транспорта. По неосторожности водителя он оказался зажатым между двумя машинами. С повреждением позвоночника Цезаря Львовича отправили в госпиталь.

Командиром батальона назначили капитана Вениамина Сергеевича Богуславского, соратника и товарища Куникова.

Когда наш батальон приблизился к Новороссийску, в городе шли ожесточенные бои. На его северо-западной окраине советские части в течение суток отбили десять атак противника. Гитлеровцы потеряли более тысячи солдат и офицеров, девять танков, четыре бронемашины и четырнадцать автомашин. На одной из улиц фашистам удалось окружить небольшое подразделение морской пехоты. В неравном бою, длившемся несколько часов, моряки уничтожили около двухсот вражеских солдат и офицеров, вырвались из окружения.

Об этих героических делах мы узнали, когда батальону было

приказано занять оборону у окраины города, в районе цементного завода «Октябрь» и Адамовича балки. Моряки вырыли траншеи, ожидая боевой схватки с врагом.

После трехдневных ожесточенных боев наши войска оставили город. Морская пехота надежно удерживала в руках цементный завод, заводской поселок и восточный берег Цемесской бухты. Новороссийский порт не мог стать морской базой гитлеровцев — бухта простреливалась пулеметным, минометным и артиллерийским огнем.

Во много раз превосходящими силами фашисты накатывались на нашу оборону, однако сломить сопротивление морской пехоты им не удалось. Враг нес большие потери, но не прекращал атак.

Над Адамовича балкой господствует высота «Долгая». За нее шли длительные жестокие бои. У высоты на участке роты, которой командовал Рыбальченко, я пробыл пять суток. Николай Прокофьевич стал опытным командиром, его роте нередко поручали самые трудные задачи.

Навсегда остались в моей памяти бои на склонах холма с деревьями, иссеченными осколками снарядов и мин. Высота несколько раз переходила из рук в руки. На полянках темнели неубранные трупы солдат. Кругом валялись фляги, лопаты, круглые немецкие каски.

Когда я пришел в роту, занимавшую высоту, встретил бывших бойцов партизанского отряда «Отважный-1» — Володю Мовцесова и Михаила Антоновича Косачева. На их лицах — радость. Володя направился ко мне, но вспомнил о воинской дисциплине и тут же вернулся к своему пулемету. Я лег рядом с ним, спросил, снятся ли ему приазовские плавни. Мовцесов ответил:

— Придет срок, мы их повидаем.

Он вначале стал снайпером, потом освоил зенитный пулемет, теперь обучал меткой стрельбе молодых солдат.

В темном небе повисла немецкая ракета. У Володи быстро заработал пулемет, по камням запрыгали стреляные гильзы. Небо прочертил зеленый пунктир трассирующих пуль. Вторая, короткая очередь рассекла ракету надвое. Истекая струйками огня, она погасла.

— Ай да молодец, — сказал, подходя, пожилой солдат. — Вот так он и немцев бьет, товарищ старший политрук, — добавил он, обращаясь ко мне.

Под стенами Новороссийска в батальоне широко развернулось снайперское движение. Обычно бойцы, укрывшись в густых кустарниках, за камнями, меткими выстрелами поражали фашистов, стоило им высунуть голову из окопа или показаться на

тропе. Мовцесов считался одним из лучших стрелков. У него на боевом счету значилось семьдесят уничтоженных гитлеровских солдат и офицеров.

Утром немецкие автоматчики несколькими группами пытались атаковать позиции роты, но поспешно отошли, унося раненых. Над высотой пролетел гитлеровский самолет-разведчик, прозванный «рамой» за свой внешний вид. Вскоре показались звенья «юнкерсов». Началась бомбежка переднего края нашей обороны.

Рядом со мной от осколка бомбы погиб боец, товарищ Мовцесова. Как только самолеты улетели, Володя оттащил тело погибшего под выступ скалы, вытер измазанные глиной руки и попросил у меня чистый лист бумаги. Он приспособил на коленях обломок гранита, положил на обломок бумагу и начал писать. Иногда он задумывался и смотрел вдаль неподвижным, невидящим взглядом. Володя сложил исписанный листок треугольничком, потом взглянул на меня, развернул его и, протягивая, сказал:

— Прочитайте, товарищ старший политрук, письмо к матери убитого. Может, что не так…

«Дорогая Полина Андреевна, — читал я старательно выведенные строки. — Сообщаю Вам, что Ваш сын, комсомолец Иван Васильевич Прудников, прославленный снайпер, мой навеки незабываемый товарищ и боевой друг, сегодня 18 сентября 1942 года героически погиб при обороне Новороссийска на втором участке. За день до этого он вместе с труппой снайперов истребил много гитлеровских захватчиков, получил ранение в ногу, но отказался лечь в полевой госпиталь. Он остался в строю до конца своей честной комсомольской жизни. Погиб Ваня при разрыве вражеской бомбы.

С боевым приветом от всей нашей роты, переживающий вместе с Вами тяжелое горе…»

Я вернул Мовцесову письмо. Все в письме сказано верно. И общая скорбь, и обещание еще крепче бить врага, которым оно заканчивалось — бить ненавистных захватчиков до полного разгрома фашизма.

К вечеру подул сильный ветер, небо затянуло тучами, заморосил холодный дождь.

Зенитчики спрятались под навесом скалы, накрылись плащ-палатками. Под дождем остались дежурные расчеты да часовые. Перед сном бойцы тихо переговаривались. Я лег рядом с Володей. По моей просьбе он рассказал о своем детстве, про годы, проведенные в ремесленном училище, о своих фронтовых товарищах, живых и погибших.

— В нашей снайперской группе ребята жили дружно, — рассказывал Мовцесов. — Обменялись адресами. Условились, если случится беда, от имени группы сообщать родным. Командование от себя сообщает, а мы — по закону дружбы. И у зенитчиков такой уговор. Завтра напишу про гибель бойца Иващенко. Храбрый был моряк. У него в Казани жена и двое детей.

Заснули мы поздно, под монотонный шум дождя. На рассвете меня разбудил внезапный грохот. Над позицией низко пронесся вражеский самолет. Мовцесова рядом со мной не оказалось. Мимо пробежали два пулеметчика. Широко раскрыв рты в крике, они на ходу вели огонь из ручных пулеметов. Поодаль бежали автоматчики, стреляя короткими очередями. Охваченный тревогой, я кинулся вслед за бойцами.

У подножия горы, в лощине, шла яростная рукопашная схватка. Поблизости я увидел вражеских солдат. Прячась за кусты, они перебегали, видимо, с намерением зайти с фланга.

— Товарищ комиссар, кидайте гранату! — услышал я голос бойца Холилова.

Я открыл огонь по кустам из автомата. Там, где заметались гитлеровцы, вспыхнуло пламя взрыва. Это кинул гранату подоспевший Мовцесов. Он метнул еще пару гранат и, обернувшись ко мне, крикнул:

— Уходите в укрытие!

Крикнул и кинулся вперед, в самое пекло боя.

Рядом заработал станковый пулемет. Чуть поодаль немцев контратаковали стрелки. Я вскочил и присоединился к ним. По скату высоты прокатился грозный клич «Полундра! Смерть гадам!..» Вскоре грохот боя стал стихать. Атаку врага отбили. У подножия высоты, в лощине, в разных позах застыли десятки трупов «завоевателей».

На командном пункте роты Рыбальченко кричал в телефон:

— «Кортик»! «Кортик»!.. В 7.10 атака противника отбита. Есть потери. Прошу патронов, гранат, подкрепления…

Меня потянуло взглянуть на поле боя. По скату высоты и в лощине стлался беловатый дым. Раненых успели подобрать санитары. Среди убитых бойцов я увидел Кузьмина и Холилова. Они первыми бросились в рукопашную схватку. Поодаль лежал замполит Дмитрий Васильевич Белый. Об этом отважном моряке в батальоне ходила добрая слава. Рядом с ним, раскинув руки, словно уснул Володя Мовцесов. Из Володиной гимнастерки я вынул комсомольский билет и записную книжку. В ней лежала фотография миловидной девушки…

В полдень рота хоронила погибших — двадцать пять бойцов и

командиров. На братскую могилу положили большой камень — его отбил от скалы взрыв снаряда. Снайпер Василий Кондаков, боевой друг Мовцесова, высек на камне красноармейскую звезду. Троекратно прогремел залп. Салют тем, кто отдал жизни на рубеже, за который ни при них, ни после них не ступала нога фашиста…

Я вернулся на командный пункт батальона. Командир батальона капитан Богуславский делал на карте пометки условными знаками.

— На рассвете наступаем. Получен приказ, — сказал он. — Бой за улучшение позиций.

Комбат посмотрел на меня, его красивое лицо светилось радостью.

— Наступаем, — повторил он с удовольствием. — Слово-то какое!

Мы склонились над картой.

— В приазовских плавнях нам было нелегко, — заметил комбат, постукивая карандашом, — а в горах война еще — сложнее. Но и мы зато не те: стали опытными, расчетливыми.

Поздней ночью я прилет отдохнуть, а капитан продолжал разыгрывать у карты возможные варианты предстоящего боя. Подобно Куликову он стремился добывать победу с наименьшими потерями. Сквозь сон я слышал, как он напевал: «Бьется в тесной печурке огонь…» Это его любимая песня. Богуславский разбудил меня затемно. Он положил карту в планшет и сказал:

— Пора на наблюдательный пункт. На крутой подъем взбираться трудно.

Мы пошли каменистой тропой. Над головами шумели деревья, невдалеке раздавались одиночные винтовочные выстрелы, в небе вспыхивали осветительные ракеты.

Обдирая руки, мы взобрались на скальный выступ. Отсюда до противника совсем близко. В узкой расселине площадки, поросшей орешником и дикой грушей, сидел телефонист. На камнях, укрывшись с головой плащ-палаткой, спал связной. По тропинке между деревьями расхаживал часовой с автоматом.

— Немцы тревожатся, часто пускают ракеты, — сообщил он.

Минут десять капитан разговаривал по телефону с командирами рот. Успел и я поговорить с Рыбальченко. Его роте предстояло решать трудную задачу. Николай Прокофьевич сообщил, что люди рвутся в бой.

Богуславский взглянул на часы и взял у телефониста ракетный пистолет. Мы поднялись еще выше. Наступил рассвет. На лесистых склонах высоты, точно комки ваты, белели клочья тумана.

Капитан поднял ракетницу и выстрелил. Светло-зеленая ракета взвилась вверх, описала кривую и погасла. Загремели выстрелы, послышались разрывы гранат, дружно заговорили пулеметы.

Я еще не видел впереди ни одного человека и не мог разобрать в этом хаосе взрывов, откуда и кто стреляет, а комбат, казалось, видел все. Опустившись на колени, он приник к морскому биноклю. Капитан подозвал связного, распорядился:

— Быстро к Рыбальченко. Пусть подвинет два пулемета правее и откроет путь Кузьмину. Одновременно одним взводом штурмует скалу, перед которой застрял Котанов.

Связной повторил приказание и побежал вниз.

Вглядываясь в окутанную дымом высоту, я старался представить, что там происходит, но за деревьями не видно ни одного человека. Высота словно содрогалась, будто дышала красноватым пламенем. Время от времени до нас доносился клич моряков «Полундра!..»

Выстрелы участились, потом стали слышаться реже и глуше. Началась активная стрельба где-то за высотой.

— Рота Рыбальченко пошла врукопашную! — крикнул мне Богуславский, не отрывая от глаз бинокля.

Бой длился уже пять часов. Солнце поднялось довольно высоко, туман исчез. Вниз проносили раненых. Многие шли сами, опираясь на сучковатые палки. Два автоматчика провели по тропе пленных гитлеровцев, куда-то поспешно проволокли станковый пулемет.

В двенадцатом часу бой затих. Батальон выполнил свою задачу: захватил важный опорный пункт противника.

Комбат выслушивал донесения командиров рот. При солнечном свете лицо Богуславского казалось особенно бледным, покрасневшие от бессонницы веки то и дело закрывали глаза. Он опустился на подстилку из веток и мгновенно заснул. К капитану подошел телефонист, снял с себя плащ-палатку и бережно укрыл ею командира…

…Вражеская авиация часто бомбила предместье восточнее Новороссийска, где держал оборону и наш 305-й батальон. Фашисты, видимо, решили стереть с лица земли рабочий поселок цементников… Дымились развалины жилых домов, Дворца культуры, школы. Руины были посыпаны густым слоем цементной пыли. Яростным авиационным и артиллерийским налетам, частым атакам подвергались ключевые позиции у Адамовича балки. Но советские войска закрепились прочно и не отступили ни на шаг.

Кое-где в уцелевших погребах, чаще в неглубоких пещерах на

склонах гор можно было встретить местных жителей. По разным причинам они не смогли эвакуироваться и теперь делили с бойцами трудности фронтовой жизни. В округе уцелел всего один колодец. Его обстреливали. Вода — на строгом учете. По ночам бойцы умудрялись носить воду в роты и жителям. Моряки по-братски делились своими скудными пайками с детьми, стариками и женщинами.

В свою очередь горожане помогали войскам, чем могли. Старики между бомбежками ремонтировали проволочные заграждения, подносили дрова к кухне, выполняли обязанности санитаров.

Неподалеку от штаба батальона в уцелевшем подвальном помещении разместился полевой госпиталь. Однажды на дороге к нему я встретил старую женщину. Она отдыхала, прислонившись к дубу, иссеченному осколками снарядов. Из-под темного платка выбились седые пряди волос. Женщина скрестила на груди натруженные руки и посматривала в небо — не летят ли немецкие самолеты. Рядом с ней стояли два ведра.

Меня заинтересовало, что она несет в ведрах. Оказалось, воду и мед для раненых бойцов. Мед она берегла для сыновей, а теперь решила передать в госпиталь. Все три ее сына — на фронте. В разговоре я выяснил ее имя — Василиса Яковлевна Беленкова. Раньше она работала на цементном заводе. По своей инициативе она каждодневно стирала белье в госпитале, отказываясь от отдыха.

— Сыновья мои не отдыхают, да и муж тоже, — объясняла она при мне. — Вон старики сколько дров натаскали. Одолеем врага-супостата, тогда отдохнем.

Большое уважение у бойцов батальона завоевал коммунист пенсионер Илья Емельянович Загуба. Он, местный старожил, стал проводником по окрестностям города. Обычно Загуба дежурил на скале и предупреждал оттуда о появлении вражеских самолетов. Здоровье у него было плохое, но он никогда не прерывал своего добровольного дежурства. В помощь себе привлек пионеров. Дети носили старику воду и вместе с ним «слушали небо».

Преодолев сопротивление советских войск восточнее Новороссийска, гитлеровцы предприняли попытку прорвать оборону в горно-лесистой местности севернее города. Они рассчитывали выйти в тыл нашим войскам, оборонявшимся восточнее и северо-восточнее Новороссийска, открыть себе путь вдоль побережья на Туапсе. Начались ожесточенные бои малочисленных частей Красной Армии с вражеской группировкой.

В те дни наш батальон посетил начальник Новороссийского

оборонительного района контр-адмирал Г. Н. Холостяков. На командном пункте батальона в подвале под конторой цементного завода собрались командиры, политработники, наиболее отличившиеся бойцы батальона.

На столе лежала развернутая карта. Приглашенные на совещание уселись на цементном полу, придерживая коленями винтовку или автомат. За поясами — гранаты. Бушлаты и шинели забрызганы окопной грязью. Ботинки и сапоги разбиты на каменистом грунте. Даже у капитана Богуславского подошвы сапог подвязаны обрывками цветного немецкого провода.

Я всматривался в усталые, суровые лица. Ни у кого не было признаков нервозности. А ведь батальон сражался в очень трудной обстановке. Не хватало боеприпасов, продуктов питания. Бои длились сутками. Нередко бойцы спали ночью по одному-два часа, прижавшись к сырым камням. Мне подумалось: люди поняли, что дальше отступать нельзя ни при каких условиях. И дрались они яростно, зло, преодолевая любые трудности. Вот и сейчас они говорили о самом необходимом про патроны, гранаты, бутылки с горючей смесью….

Прозвучала команда «смирно». Вошел контр-адмирал. Он поздоровался, шагнул к бойцам и командирам. Электрическая лампочка, подкрученная к аккумулятору, осветила его невысокую коренастую фигуру, скуластое лицо с широким лбом и прищуренными серыми глазами. Подана команда «вольно». Заложив руки за спину, адмирал окинул взглядом сосредоточенные лица бойцов, их истрепанные бушлаты.

— Товарищи, — говорил он. — Трудно нам. Маловато вооружения, не хватает боеприпасов. Пообносились, несытно едим. Это потому, что сложно с подвозом. Вражеская авиация бомбит порты и транспорты в море. Наш героический рабочий класс производит и отправляет на фронт все больше танков, самолетов, пушек, автоматов. Вскоре мы получим все необходимое. А пока придется потерпеть. Понятно, товарищи?

— Понятно, — послышались голоса.

— Под Новороссийском все знают, — продолжал Холостяков, — что ваш батальон первым на ответственном участке остановил врага. Приумножили вы славу, которая шла о вас на Дону и Тамани. Не ошибусь, если скажу, что большинство из вас — куниковской выучки. Рад сообщить, что майор Куников быстро поправляется, рвется на фронт…

В тот вечер мы долго не расходились. Перед ужином контр-адмирал с группой офицеров вышел из блиндажа комбата. Поодаль, на переднем крае нашей обороны, постукивали пулеметы, где-то в стороне громыхали приглушенные

расстоянием разрывы снарядов.

Богуславский рассказал гостю, как офицер Фадеев, взобравшись под огнем врага на высокую заводскую трубу, корректировал оттуда огонь береговых батарей. Вспоминали о подвиге комсомольца Ананьина. Увидев на молу порта фашистский флаг, отважный воин дождался темноты, переплыл бухту, сорвал вражеский флаг и доставил его в штаб батальона. За героический поступок Ананьин был награжден орденом Красного Знамени. Зашла речь и о других подвигах морских пехотинцев…

В те дни гитлеровцы трубили на весь мир, что Туапсе вскоре падет. Но подступы к городу обороняли закаленные в боях войска. В результате контратаки советских частей, в том числе морской пехоты, в горно-лесистой местности севернее Новороссийска в двухдневных боях была почти полностью уничтожена румынская горнострелковая дивизия. Недоступным для врага оказалось и шоссе Новороссийск — Геленджик, прозванное немцами «дьявольской глоткой». Планы немецко-фашистского командования, имевшие целью прорыв в Закавказье в обход Главного Кавказского хребта с запада, не осуществились. Враг потерпел поражение.

Десант на Мысхако

На Черноморском побережье стояла мягкая южная осень. До госпиталя, где лечился майор Куников, не долетали громы войны. Но ощущалось дыхание фронта.

В конце сентября Цезарь Львович думал о возвращении на передовые позиции. Выздоровление наступало быстро.

Краснофлотец Костиков принес ему неожиданную весть.

Сюда, сказал он, прибыл наш бывший командующий. Майор обрадовался: с помощью контр-адмирала Холостякова он рассчитывал быстрее вернуться в боевой строй.

В тот же день Цезарь Львович покинул госпиталь. Он прибыл в батальон, когда мы находились на отдыхе после жестоких боев. Лицо майора потемнело, едва он узнал о наших потерях. Среди погибших и раненых были ветераны, с которыми он прошел боевой путь от Дона до Черноморья. Тяжелое ранение получил Рыбальченко, оказался в госпитале Куринков. В батальоне было много новых людей. Со свойственной ему энергией Куников принялся наводить в части образцовый порядок.

И все же Цезарю Львовичу была не по душе полутыловая жизнь. Он вспоминал о разгроме танковой группы Клейста под Ростовом, смелый двадцатипятикилометровый рейд в тыл немцам, ледовые походы. Вскоре его вызвал начальник оборонительного района. Контр-адмирал спросил:

— Что вы скажете о десантной операции в расположение

противника в район Новороссийска?

Куников не смог скрыть охватившей его радости, попросил времени, чтобы обдумать предложение, сделать расчеты.

Началась подготовка к знаменитому десанту на Малую землю. Цезарь Львович подбирал в десантный отряд бойцов и командиров. К нему шли бывалые люди, моряки, знавшие Куникова по боевым делам. Слава Отдельного 305-го батальона гремела повсюду.

Вспоминается такой эпизод. Два друга-моряка разыскивали в Геленджике наш батальон. Они дошли до каменного здания на берегу моря и направились вдоль ограды в поисках входа. Старшина Василий Строганов увидел командира в звании майора, опросил у него, где размещаются моряки.

— А зачем вам знать? — поинтересовался майор.

— Хотим пришвартоваться. А то…

Командир достал пачку папирос, угостил моряков и спросил:

— Так что же — «а то…»?

— Попали мы всей командой после Тамани в армейский запасной пехотный полк, — стал рассказывать Строганов. — Ну, и наступила житуха! Чуть свет — занятия. Строевая тактика, по-черепашьи животами землю тралим. А к чему? Я так понимаю: если винтовкой и автоматом владеешь, гранату во врага послать силенка есть, зубы острые, тогда не сдобровать фашисту!

— И подолгу занимались?

— Часов по пятнадцать.

— И это во втором эшелоне. Ай-ай-яй! — посочувствовал майор.

Строганов не заметил улыбки.

— Вот я и говорю, — обрадовался он. — Одним словом, пехота.

— И что же вы решили? — серьезно спросил майор.

— Решили отчалить. Добились перевода в Геленджик, к куниковцам… Помогите разыскать моряков.

— Контрольно-пропускной пункт рядом. Обратитесь в штаб, предъявите там направления, — ответил майор.

Утром сквозь сон друзья услышали сигнал побудки. Открылась дверь, вошел вахтенный и громко объявил:

— Койки вязать. Выходи строиться!

— Морской порядочек, — удовлетворенно отметил старшина.

Отряд построился на площадке, посыпанной песком. Перед строем появился командир с биноклем на груди и полевой сумкой через плечо. Друзья узнали майора, с которым вчера повстречались вблизи ворот.

— Кто это? — спросил Строганов у соседа.

— Куников.

Прозвучала — команда «смирно». Командир принял рапорт.

Всматриваясь в неподвижные лица бойцов, он сказал звучным голосом:

— Нам предстоит решать сложные боевые задачи. Кроме храбрости, от морских пехотинцев потребуются отличное знание военного дела и четкая организованность.

Взгляд его на мгновение задержался на старшине Строганове:

— Среди вас есть люди, — продолжал — майор, — которые думают так: будь отчаянно смелым, владей автоматом и победа обеспечена. А для победы этого мало, товарищи. Вот почему мы будем тренироваться до седьмого пота. Вашей лишней капли пота не пожалеем, зато в бою не будет пролита лишняя кровь…

От зари до позднего вечера на морском берегу проходили занятия, учения. Моряки создавали инженерные заграждения, сооружали подобие палуб кораблей. Бойцы и командиры учились действовать в десантной операции. Они разгружали с катеров тяжелые ящики с боеприпасами, преодолевали проволочные заграждения, тренировались в рукопашном бою. Нередко звучала команда «отставить». Все начиналось сначала. Занимались почти без отдыха.

Для боевой подготовки отряда использовались и корабли. По вечерам из замаскированных стоянок подходили к учебным причалам сейнеры, «охотники», мотоботы, болиндеры. Приняв на борт людей, они бесшумно выстраивались в походный порядок, совершали условный рейс и, развернувшись, устремлялись к берегу. Десантники высаживались, кидаясь в ледяную воду, преодолевали «минированную» кромку берега, бросались в атаку, блокировали и «уничтожали» огневые точки «противника», занимали рубежи, вступали в рукопашный бой…

Куников руководил занятиями. Его короткие ясные приказы бойцы выполняли с полной отдачей сил.

— Вот вы, Строганов, — заметил он однажды на занятиях старшине, — в запасном полку горы по-черепашьи животами тралили, а узкую полосу земли преодолевать не научились.

Старшина не обиделся. Он постарался заслужить похвалу командира, которого в отряде любовно называли отцом.

Первый эшелон десанта из трехсот отборных бойцов быстро научился действовать как слаженный оркестр. «Первые скрипки» в этом оркестре играли товарищи Куникова по боям под Ростовом и в Приазовье, моряки и партизаны.

* * *

Ночь с 3 на 4 февраля 1943 года в районе Новороссийска была темной. На клочок каменистой земли в районе пригорода под названием Станичка готовился высадиться десантом отряд майора Куникова.

Узкая полоска берета. Слева над ней нависает гора Мысхако, дальше — Колдун-гора, гряда высот. Вдоль берега протянулась железнодорожная насыпь. На скатах насыпи — пулеметные гнезда, дзоты, блиндажи врага. Все пункты возможной высадки стерегли большие и малые вражеские гарнизоны. На Суджукской косе и в других местах расположились прожектористы. Тяжелые минометы и орудия немцев пристреляли каждый участок, а район Станички простреливался насквозь.

Вот сюда, одновременно с высадкой основного десанта в районе Южной Озерейки, и должен был высадиться отряд. Как знать, не придется ли ему сыграть более важную роль, чем роль вспомогательного десанта, отвлекающего силы? Об этом Куников думал не раз. Отряду предстояло зацепиться за узкую полоску земли, преодолеть железнодорожную насыпь и отвлечь на себя противника.

Высадке десанта содействовала береговая артиллерия. Планировалось совершить огневой налет по разведанным целям, а при подходе кораблей с десантом-заградительный огонь. За смелость решения моряки прозвали операцию «высадкой к черту в зубы».

…Отряд, поднятый по тревоге, выстроился для погрузки на корабли. Неумолчно шумело море. В горах протяжно перекликались шакалы, им вторили совы. Вызванные из строя командиры боевых групп слушали Куникова. Никто не задавал вопросов, все было ясно. Десантники еще раз проверили вещевые мешки, черные верха бескозырок затягивали зеленоватыми, защитного цвета, косынками.

Помощник командира по хозяйственной части Василий Петрович Свирин, человек медлительный, бегал, покрикивая, суетился. Куников услышал, как он отчитывал старшину-кладовщика, и спросил, что случилось.

— Беда, если сам недосмотришь, — ответил Свирин и указал на старшину. — Полторы сотни гранат передал. А сколько патронов! Краснофлотцы сухари оставляют, а добавочные патроны за пазуху прячут.

Майор улыбнулся, весело сказал:

— Мне, честно говоря, приятно такое слышать. За перерасход боеприпасов я с вас не взыщу.

Погрузка закончилась за два часа до рассвета. При выходе кораблей из бухты посвежело. На мостике флагмана — Куликов и

капитан-лейтенант Сипягин, командир десантных кораблей. Над обрывом Толстого мыса вспыхнул и погас огонек. Это маяк послал прощальный привет десанту. Вдали виднелась Цемесская бухта, в глубине ее чуть угадывался разрушенный Новороссийск.

Когда корабли находились в 15–20 минутах хода от цели, поддерживающая высадку артиллерия открыла огонь по вражеским прибрежным укреплениям, по минным полям. Развернувшись фронтом, десантные суда начали подходить к берегу.

Уцелевшие огневые точки гитлеровцев повели яростный обстрел. На одном из кораблей вспыхнул пожар, раздался оглушительный взрыв, послышались крики. На гребнях волн виднелись черные точки — люди плыли к берегу. На некоторых катерах были разбиты спущенные трапы. Произошла заминка. Тогда, готовые к любым неожиданностям, выступили вперед коммунисты — командиры и политработники. Одним из первых с борта головного катера прыгнул в воду Куников и увлек за собой десантников.

Ледяная вода, тяжесть вооружения, разрывы немецких снарядов и мин — ничто не смогло остановить неудержимого порыва моряков. Десантники, спотыкаясь о камни, поросшие мхом, рвались вперед, на врага. Краснофлотцы бросали гранаты, вели яростный огонь из автоматов, завязывали рукопашные схватки, занимали оборону на железнодорожной насыпи, в разрушенных зданиях рыбного завода.

Пять групп десантников, развернувшись веером по всему берегу — от рыбного завода до Суджукской косы, сокрушали и захватывали огневые точки врага. Трофейное оружие они тут же обращали против гитлеровцев. Под неистовым напором морских пехотинцев разваливалась вражеская оборона. Среди немцев и румын возникла паника. Командир немецкой зенитной батареи приказал взорвать орудия, а соседнее подразделение в беспорядке отступило.

Пользуясь замешательством врага, десантный отряд быстро овладел береговыми укреплениями, стал расширять плацдарм в сторону рыбачьего поселка Станички и горы Мысхако. Куниковцы занимали в поселке квартал за кварталом. Никто из моряков и партизан не обманул надежд любимого командира. Бойцы сражались как герои.

Вскоре высадились остальные силы десантного отряда. Ночь подходила к концу. С рассветом враги поняли, что против них действуют сравнительно небольшие силы, и перешли в наступление. Против морских пехотинцев враг бросил свыше дивизии.

В коротких донесениях в разгар боя к майору Куликову поступали все новые сведения о героических действиях бойцов и командиров. Отделение старшины Романова захватило вражеский дзот с исправным орудием и пулеметом. Краснофлотцы повернули орудие и открыли огонь по противнику. На захваченный дзот устремилась в контратаку рота пехоты. Краснофлотцы подпустили вражеских солдат поближе и метким огнем уничтожили атакующих.

Старшина Строганов со своей группой бойцов в стремительной атаке захватил орудие и два пулемета. Из них он открыл огонь по врагу.

В Станичке шел бой за каждый дом. Десантники прорвались в школу имени Шевченко и заняли оборону. Враг окружил здание и подтянул к нему три танка. Моряки встретили их гранатами. Младший сержант Корницкий, превозмогая боль от раны, перебежал двор и метнул связку гранат под гусеницу головной машины. Подбитый танк замер на месте, остальные отошли. От фашистских снарядов в школе возник пожар. Густой дым и пламя охватили здание. За каменной стеной моряков поджидала группа немецких автоматчиков. Тогда Корницкий, обвязавшись гранатами, подобрался к стене, влез на нее и спрыгнул на гитлеровцев. Грохот взрыва заглушил крики врагов.

На второй день ожесточенных боев Куников приказал свести девять орудий врага в отдельное артиллерийское подразделение. Вместе с артиллерией, которая поддерживала наступавших десантников с противоположного берега Цемесской бухты, эти орудия вели меткий огонь по вражеским укреплениям, артиллерийским и минометным батареям, по живой силе противника.

В ожесточенных двухдневных боях десантный отряд под командованием майора Куникова уничтожил до 1500 вражеских солдат и офицеров. В результате успешных действий отряда был создан плацдарм, который вошел в историю Великой Отечественной войны под названием «Малая земля». Этот плацдарм впоследствии сыграл значительную роль в разгроме гитлеровцев на Таманском полуострове.

Куников в записке, адресованной на Большую землю, сообщал о героизме десантников: старшина краснофлотец Сморжевский за два дня операции истребил 27 фашистов, в их числе четырех офицеров. Старшина Богданов атаковал со своим отделением мотовзвод немецких автоматчиков, моряки разбили автомашины и полностью уничтожили взвод. В четвертой боевой группе командир отделения Велошванов даже после третьего ранения, истекая кровью, не оставил поле сражения. На

подразделение старшего лейтенанта Тарановского наступала рота автоматчиков; молодой коммунист проявил бесстрашие: Его приказ: «Ни шагу назад!» — моряки выполнили с честью. Вместе со своим командиром они стояли насмерть и отбили яростные атаки врага.

На третьи сутки на Малую землю прибыли главные силы основного десанта — им не удалось высадиться в районе Южной Озерейки. В свою очередь, гитлеровцы ввели в бой около двух дивизий. Если в первой стадии боя успех решали стремительность и отвага, то теперь под непрерывными атаками во много раз превосходящих сил врага надо было любой ценой закрепиться на отвоеванном плацдарме. И морская пехота славно вросла в землю. Под непрерывными бомбежками, на участке, где к концу семимесячной обороны не было метра площади, куда бы не упала мина, снаряд или бомба, под сквозным обстрелом советские войска стояли непоколебимо..

Коммунисты и политработники, партийные и комсомольские организации воспитывали у воинов-малоземелыцев железную стойкость, поддерживали высокий моральный дух. К бойцам, сражавшимся на Малой земле, неоднократно прибывали командующий Черноморской группой генерал И. Е. Петров, начальник политотдела 18-й армии полковник Л. И. Брежнев и другие политработники. Защитники Мысхако всем сердцем откликались на обращения Военного совета армии к ним, героям-малоземельцам… «Немецко-фашистская банда убийц и грабителей, — говорилось в одном из обращений, — ценой огромных потерь старается удержать Новороссийск. Героический десант на Мысхако создал реальную угрозу этому опорному пункту врага… Малая земля — это смертельный нож в спину подлого врага…

Боевые товарищи! На Малой земле решаются большие дела во имя освобождения нашей Родины от немецко-фашистских захватчиков…»

Удерживая Новороссийск и Таманский полуостров, гитлеровские войска стремились закрепить за собой морские коммуникации, прикрыть подступы к Крыму и ограничить действия Черноморского флота, который базировался в портах Кавказского побережья. Герои-малоземельцы мешали врагу успешно осуществлять данный план. Захватив плацдарм под Новороссийском, наши десантные части создали реальную угрозу правому крылу обороны противника и отвлекли на себя вражеские силы с других участков франта.

Сражение здесь не затихало ни на минуту. Сотни трупов устилали подступы к позициям десантников, а фашисты

продолжали озверело лезть вперед. Куников, быстро оценивая обстановку, умело распределял силы. В короткие промежутки, едва стихал гул минометного и артиллерийского огня, негромкий голос его звучал спокойно и уверенно. Хладнокровие не изменило ему и в тот момент, когда немцы, выследив блиндаж, где помещался штаб десантников, бросили в атаку на штаб танки и автоматчиков. Майор вывел для отражения атаки немногочисленное прикрытие штаба. Он подал команду:

— Противотанковые гранаты — к бою!

В темноте не видно было, кто где дрался, слышались только взрывы гранат, пулеметные очереди, треск автоматов. В разных местах вспыхивал яростный клич: «Смерть фашистским гадам!»

К полуночи атаку удалось отбить, в тот день восьмую и последнюю по счету. В ожесточенном бою пал смертью храбрых любимец Куникова, его адъютант Леонид Хоботов, прошедший вместе со своим командиром боевой путь от Дона до Малой земли. В самый опасный момент, когда враг атаковал командный пункт с тыла, Хоботов с группой автоматчиков врезался в гущу фашистов, рвавшихся к блиндажу, бросил гранату и из автомата косил гитлеровцев. Вражеская пуля пробила сердце отважного комсомольца.

На третьи сутки кровопролитного сражения стало не хватать продовольствия, боеприпасов. Разыгравшийся шторм не давал катерам возможности причалить к берегу. Попытка сбросить грузы с самолетов также не удалась — ящики разбивались о каменистый грунт. С большим трудом приходилось собирать то немногое, что уцелело.

Кончились запасы воды. Особенно страдали от жажды тяжелораненые, ожидавшие отправки на Большую землю. Куников шел к ним, подносил к запекшимся губам бойцов полупустую флягу. В эти особенно тяжелые часы в блиндаж командира вбежал с перевязанной головой пулеметчик Потеря, он сообщил:

— Товарищ майор, катера прорвались, уже разгружаются!

— А вода есть?

— И воду доставили.

— Ну, раз воду и боеприпасы получили — все в порядке.

Вскоре десантники снова услышали знакомую «дробь» легендарного пулемета в руках Павла Потери, бойца с донского хутора. На правом фланге, у школы, он участвовал в отражении семнадцати атак гитлеровцев.

Поврежденный осколком бомбы, засыпанный землей, пулемет пролежал до мирных дней. Его откопали фронтовики-малоземельцы и отправили в Ленинград, в Центральный военно-

морской музей.

От разрыва той же бомбы Потеря получил тяжелую травму. Его эвакуировали в госпиталь.

Прибывшие воинские части на основных боевых участках заменили крайне уставших, в большинстве раненых бойцов и командиров из отряда Куникова. Новое пополнение с ходу вступило в бой, расширяя плацдарм. В своем обращении к куниковцам они писали: «Мы восхищены вашим мужеством. Мы пришли к вам на помощь и клянемся, что освобождение города морской славы — Новороссийска доведем до конца».

Цезарь Львович с присущей ему энергией продолжал выполнять на Малой земле обязанности старшего морского начальника. Он получил смертельное ранение осколком вражеской мины при рекогносцировке Суджукской косы.

В тот вечер майор должен был принимать болиндеры с танками и катера с пополнением. Когда к нему вернулось сознание, он спросил:

— Как с приемом пополнения? Раненых отправили?..

На рассвете в море показался катер. Он принял носилки с командиром.

14 февраля десантников облетела печальная весть: Цезарь Львович скончался. Он погиб в день освобождения города своего детства — Ростова-на-Дону.

Родина высоко оценила подвиг героев-малоземельцев. 21 защитник Малой земли получил высокое звание Героя Советского Союза. И среди них посмертно — командир десантного отряда Цезарь Куников. После освобождения Новороссийска его прах перенесли в город. На Площади героев над его могилой не угасает Вечный огонь. С первых дней весны до глубокой осени на могилу возлагаются живые цветы.

У Вагона-памятника группа защитников г. Новороссийска (1966 г.).

Много лет спустя довелось быть здесь и мне. Помнится, под вечер смотрел я на морской простор, а перед глазами вставала грозная картина совместного боя партизан и военных моряков с немецко-фашистскими захватчиками. Бой, после которого стали называть нас братьями по оружию, боевыми товарищами, чья дружба скреплена кровью, совместно пролитой во имя великой цели — освобождения родной земли.

…Майор Цезарь Куников. По окончании Великой Отечественной войны его именем названы район города Новороссийска и улица в Ростове-на-Дону, школы и пионерские отряды, о нем написаны книги.

Уже тогда, на фронте, мне хотелось, чтобы как можно больше людей, особенно наша молодежь, знали о жизни и подвигах этого талантливого инженера, журналиста и боевого командира, рабочего паренька-комсомольца, делегата IX съезда ВЛКСМ, руководителя ленинской школы.

Куников никогда не уклонялся от трудностей. В письме с фронта он писал своей жене: «Из всякой войны выходят закаленными, и я надеюсь, Ната, что ты не пожалеешь когда-нибудь о многом, как я никогда не жалел, что в 1918 году прошел сто верст в рваных ботинках по морозу за отступающей Красной Армией и что десяти лет от роду отец отдал меня в мастерскую на работу. Не оберегай и ты сына от борьбы, от трудностей — закаляй в них, помни, что основой коммунистического воспитания является борьба».

Цезарь Львович Куников верил в нашу победу, боролся за нее

с первых дней войны и до последней секунды своей героической жизни. Он, его боевые соратники, все защитники Новороссийска не забыты, на их ратных подвигах учится молодежь доблестному служению нашей советской Родине.

14 сентября 1973 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Новороссийску было присвоено почетное звание города героя с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда. В приветствии Л. И. Брежнева трудящимся города и участникам битвы за Новороссийск говорится: «В этом поистине героическом акте выражены признательность и благодарность советского народа, партии и правительства, дана высокая оценка ратных подвигов всех тех, кто, не щадя жизни, проявил беспримерное мужество, стойкость и героизм у стен города, преграждая путь врагу к жемчужине советского юга — Северному Кавказу. Уверен, что вы и впредь будете свято хранить и умножать революционные, боевые и трудовые традиции этого замечательного города!

Слава городу-герою Новороссийску!

Вечная слава героическим защитникам свободы и независимости нашей великой Родины!»